

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

НИКТО НЕ ПРИДЕТ

В детективах полуночи старинные легенды оживают в современности. Окунитесь в мистические тайны и ощутите дыхание неведомого...

детектив полуночи

Маша Любимова и Глеб Корсак.
Следствие ведут профессионалы

Антон Грановский
Никто не придет

«ЭКСМО»

2012

Грановский А.

Никто не придет / А. Грановский — «Эксмо», 2012 — (Маша Любимова и Глеб Корсак. Следствие ведут профессионалы)

ISBN 978-5-699-56299-2

Журналист Глеб Корсак любил рассматривать фотографии, попадающие к нему по долгу службы. Один снимок его особенно заинтересовал: лица гостей на свадьбе напряженные и испуганные, а невеста держит в руке сломанную розу... Предчувствуя интересную тему, Глеб поехал в небольшой поселок, где год назад состоялась эта странная церемония... Маша Любимова ошарашенно слушала усталый голос в трубке: Глеб в больнице, он при смерти!.. В его вещах она нашла странную свадебную фотографию, расспросила коллегу Корсака и без колебаний отправилась в поселок Хамовичи, во время поездки в который с ним случилось что-то необъяснимое... Поселок выглядел вполне заурядно, но, пообщавшись с местными жителями, Маша поняла: они многое скрывают, и, похоже, Глебу удалось приоткрыть завесу тщательно охраняемой тайны...

ISBN 978-5-699-56299-2

© Грановский А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	7
3	9
4	11
5	15
6	18
7	21
Глава 2	23
1	23
2	30
3	33
Глава 3	34
1	34
2	38
Глава 4	43
1	43
2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Евгения и Антон Грановские

Никто не придет

Сон разума рождает чудовищ.

Глава 1

1

Среда, 21 сентября, 14 часов 5 минут

Это была уже пятая ворона. Она уселась на ветку дерева, так же как предыдущие четыре, и устремила свои круглые черные глаза на детей, резвящихся на детской площадке.

Наталья Сергеевна Круглова, воспитательница средней группы, нахмурилась. На ее молодом, чистом лице появилось выражение озабоченности. Она терпеть не могла ворон, считая их птицами нечистыми и злыми.

За деревом Наталье Сергеевне виделось двухэтажное здание детского сада, и она вдруг подумала, что здание это выглядит как-то слишком уж мрачно. И еще – что оно похоже на старинную, обветшавшую, заброшенную помещичью усадьбу. Штукатурка кое-где отвалилась от стен, гладкие колонны возле дверей уже не были гладкими, а были покрыты темной шербиной. Из-за недостатка финансирования косметический ремонт детского сада откладывался уже третий год подряд.

Наталья Сергеевна вздохнула и снова посмотрела на старый клен, росший рядом с игровой площадкой. Ворон на клене прибавилось, теперь их было больше десятка, они торчали на ветках, подобно уродливым черным наростам, и выглядели зловеще. В душе воспитательницы засадило от неприятного предчувствия. Что-то тут было не так.

Двое мальчишек, не поделив машинку, сцепились.

– Ты жопа! – крикнул один.

– Сам ты жопа! – яростно ответил другой.

– Коля, Егор! – осадила их Наталья Сергеевна. – А ну – не драться! Что это еще такое?

– Наталья Сергеевна, он первый начал!

– Я сказала – прекратите драку! Или хотите, чтобы я вас наказала?

Мальчишки с насупленными лицами отошли друг от друга. Машинка осталась у того, что был выше и сильнее.

Одна из ворон, сидевших на клене, вдруг поднялась в воздух, сделала небольшой круг, а потом резко спикировала вниз, устремившись в гущу играющих детей. Наталья Сергеевна, все это время не упускавшая птиц из виду, среагировала так, как не ожидала от себя – она бросилась к детям, взмахнула рукой, одетой в черную перчатку, и с размаху ударила ладонью по трепещущему, большому вороньему телу.

Птица отлетела в сторону, ударилась об асфальт, но тут же с громким, рассерженным карканьем снова взмыла в воздух. Все произошло так быстро, что никто ничего не успел понять, а секунду спустя дети испуганно заревели, кто-то закричал, к Наталье Сергеевне подбежала вторая воспитательница, и тут же десяток вороньих тел шумно вспорхнул с ветвей старого клена.

Птицы с громким гневным карканьем закружили над детьми.

– Дети, быстро в группу! – крикнула Наталья Сергеевна.

Она стала метаться по площадке, собирая детей, как овчарка собирает разбежавшихся по лугу овец, и подталкивая их, кричащих, перепуганных, ошеломленных, к зданию детского сада,

к его железной двери. А от двери на помощь Наталье Сергеевне уже бежал пожилой охранник в черной форме.

– Помогите мне! – крикнула она.

Охранник все понял и без ее крика, он подхватил на руки сразу трех малышей, быстро подбежал к железной двери, опустил их на крыльцо, под защиту железного навеса, вынул из кармана ключ и открыл электронный замок.

Наталья Сергеевна продолжала гнать кричащих детей к двери, одновременно размахивая руками над их головами, чтобы отогнать птиц.

Вдвоем с охранником они втолкнули всех детей внутрь, но тут одна из ворон спикировала на саму Наталью Сергеевну, вцепилась когтями ей в волосы и кожу и принялась бить ее по лицу крыльями.

Воспитательница закричала от ужаса и боли и, потеряв на секунду ориентацию, закружилась на месте. Кровь из рассеченной кожи хлынула ей на лицо, а в следующий миг вороный клюв вонзился Наталье Сергеевне в левый глаз. Охранник бросился воспитательнице на помощь, схватил ворону, рывком отодрал ее от головы Натальи Сергеевны, затем взял женщину за плечи, с силой втолкнул ее внутрь здания и с грохотом захлопнул за собой железную дверь.

Вороны, еще немного покружив, вновь уселись на старый клен.

2

Четверг, 22 сентября, 23 часа 20 минут

Ада Наровчатская, менеджер по продажам, двадцати семи лет от роду, возвращалась домой поздно вечером. В голове ее еще гулял хмель, в сумке позвякивала об телефон бутылка шампанского, которую она стянула с корпоративного праздничного стола.

Она вспоминала ужимки бухгалтера Симакова, его похотливую улыбку, его пальцы – фривольные, наглые, самоуверенные, и ей делалось и приятно, и противно одновременно. Приятно оттого, что бухгалтер Симаков нравился всем девчонкам в отделе и что из всех девчонок он выбрал ее, Аду Наровчатскую, хотя она не была ни самой молодой, ни самой красивой. А неприятно из-за того, что, несмотря на всеобщее женское обожание, весельчак Симаков ей совсем не нравился, и все же она позволила ему кое-что, о чем сейчас немного жалела.

В понедельник в отделе все, конечно же, будут судачить о ней и о Симакове. Что ж, пусть судачат. Раз уж без этого никак. И Симаков будет приставать, вызовет ее в коридор, станет заговорщицки улыбаться, отпускать намеки, а потом, конечно же, напросится проводить ее домой после работы. И что прикажете делать? Соглашаться или нет?

Пушай бухгалтер Симаков и не так хорош, как ей хотелось бы, но лучше Симаков, чем совсем никого.

«Как обидно, – подумала Ада. – И почему в жизни все прекрасное так тесно переплетено с гадким?»

Она свернула с широкой, ярко освещенной улицы в свой переулок. Половина фонарей здесь была перебита, а вторая светила тускло, словно на последнем издыхании. Переулок был пуст и темен. Ада шла мимо темных редких деревьев, мимо огромных мусорных баков, неприятно чернеющих в темноте, – и испытывала беспокойство и тревогу.

И вдруг она остановилась, почувствовав острый и внезапный приступ страха. Ада прижала руку к груди. Сердце билось в груди, как пойманная птица.

«Да что же это? – подумала Ада, озираясь по сторонам. – Чего я так испугалась?»

Страх, охвативший ее, был совершенно иррациональным, так как никакого повода для него не имелось. Не так уж и темно было вокруг. До дома – рукой подать.

– Какие глупости, – тихо пробормотала Ада.

И тут же страх ее улетучился сам собой, сменившись досадой. Ада убрала руку с груди, поправила на плече сумочку и двинулась дальше. И тут из-за мусорного бака вышла бродячая собака. Вышла, повернула голову и посмотрела на Аду.

Ада ускорила шаг, но вдруг заметила, что на асфальтовой дорожке тротуара, преграждая ей путь, стоят еще две собаки. Она пошла медленнее, пытаясь сообразить, как ей обойти бродячих собак. Они ее, конечно, не тронут, но все равно проходить мимо них, в такой опасной близости от их черных морд, было боязно и неприятно.

Решение пришло само собой, и оно было очень простым. Ада сошла с тротуара и двинулась ко двору напрямик, по влажному, мягкому газону, мимо железных коробок гаражей. Каблуки утопали в мягкой земле, поэтому, обойдя собак стороной, Ада попыталась снова выйти на асфальтовую дорожку тротуара, но не тут-то было! Путь ей преградил еще один пес – огромный, лохматый, свирепой наружности.

Пришлось снова отойти к гаражам. Здесь было совсем уж темно.

«Проклятые собаки, – с досадой подумала Ада. – И как они умудряются вырасти такими большими? Где находят себе еду?»

Ада свернула в довольно узкий проход, ведущий между двух гаражей. И вдруг она услышала глухое, низкое рычание – впереди стоял пес. Ада испуганно остановилась. От нового

прилива страха хмель окончательно выветрился у нее из головы. Это уже не лезло ни в какие ворота. Неужели собаки преследуют ее?

Ада повернулась и хотела вернуться назад, но путь к отступлению был перекрыт двумя собаками. Собаки зарычали и тут же двинулись на Аду. Обмирая от страха, она резко повернулась, намереваясь отогнать собаку, которая преграждала путь вперед, но вдруг подвернула ногу, споткнулась и с криком упала на землю. Падая, она услышала, как звякнула в сумке разбившаяся бутылка шампанского.

Собаки словно того и ждали. Они набросились на Аду. Самый большой пес с ходу вцепился ей зубами в горло, а другие стали рвать ее тело. Еще один пес остался стоять снаружи, истекая голодной слюной и внимательно глядя по сторонам, чтобы в случае опасности подать своим сородичам сигнал. Он знал, что от этого пиршества перепадет и ему. И не обманулся в своих ожиданиях.

3

Пятница, 23 сентября, 10 часов 30 минут

Капитан милиции Стас Данилов взглянул на сидевшую перед ним белокурую девушку своими серыми, мерцающими, как мокрый асфальт, глазами, улыбнулся и спросил:

– Как вам чай, Юленька?

Дело происходило в китайском кафе, и с девушкой этой Стас познакомился всего полчаса назад.

– Очень вкусно, – ответила блондинка и отпила еще глоток. – Невероятно вкусно!

Стас кивнул:

– Я знал, что вам понравится. Этот чай собран у подножия Тибета. Он бодрит и придает сил. В том числе и сексуальных. Знаете, Юленька, в тантризме есть такое понятие – духовный экстаз, – продолжил Данилов, обволакивая девушку мягким голосом. – Так вот, это понятие очень тесно связано с практикой тантрического секса. Я вас не смутил?

Девушка зарделась:

– Да нет, нисколько. Мы же взрослые люди.

– Разумеется. Знаете, Юленька, глядя на вас, я вспоминаю стихи...

Утром роза раскрыла под ветром бутон,
И запел соловей, в ее прелесть влюблен.

Стас замолчал и вздохнул, как бы вспомнив о чем-то грустном и светлом.

– Это вы написали? – с восторженным придыханием спросила блондинка.

– Да. Из раннего. – Стас устремил взгляд вдаль: – В ту далекую пору я еще не потерял веру в любовь.

– А сейчас? – робко спросила девушка.

Потерял Стас Данилов веру в любовь или нет – так и осталось невыясненным, поскольку в кармане у него зазвонил телефон. Стас быстро достал трубку и прижал ее к уху:

– Слушаю.

– Данилов, ты сейчас где? – услышал он голос майора-оперативника Толи Волохова.

– Э-э... – Стас покосился на блондинку, которая с благоговейным видом тянула из чашки чай. – Снимаю показания со свидетеля.

– Заканчивай. У нас труп со следами насилия. Запоминай адрес...

Волохов продиктовал – Стас запомнил. После чего сказал:

– Сейчас выезжаю.

Убрав телефон, Данилов вздохнул и произнес:

– Простите, Юля, долг зовет. Но мы обязательно продолжим этот разговор.

– Вы обещаете?

– Конечно! Я никогда не обманываю женщин.

– А вы точно записали мой телефон?

– Точнее не бывает.

Он хотел встать, но девушка положила руку на его предплечье, посмотрела ему в глаза и спросила шепотом:

– Стас, скажите: там, куда вы едете, очень опасно?

Стас улыбнулся кончиками губ.

– Юленька, настоящий мужчина не должен думать об опасности. Будьте счастливы!

Он поцеловал блондинку руку, поднялся из-за стола и зашагал к выходу. Девушка проводила его долгим взглядом и прошептала:

– Какой он милый.

4

– Что тут у нас? – спросил Данилов, подходя к судмедэксперту Лаврененкову и Маше Любимовой, которые стояли у входа в узкий туннель между двумя гаражами и курили. Лаврененков был тощ, сутул и жилист. Лицо его было изрезано ранними морщинами, а под глазами висели мешки – наследие множества вечеров, проведенных им наедине с бутылкой. Одет он был в мешковатое темное пальто и такие же мешковатые брюки. Маша Любимова, светловолосая, темноглазая, с тонким, скуластым лицом, казалась в своем стильном светлом плащике ангелом, спустившимся с небес, чтобы наставить пропойцу Лаврененкова на путь истинный.

– Так что тут у нас? – переспросил Стас.

– Фильм ужасов, – ответил ему Лаврененков сиплым голосом. – Собаки растерзали девушку.

– Собаки?

– Да.

– Растерзали?

– Тасик, от того, что ты повторяешь мои слова, они не станут более понятными. Машенька, кстати, а почему ты не в отпуске?

– Я с понедельника, – сказала Маша Любимова.

– Понятно.

– Семен Иванович, – снова заговорила Маша, – как на ваш взгляд, собак кто-то натравил?

– Да нет, вряд ли. Псы явно были бродячие.

– Почему вы так думаете?

Лаврененков стряхнул с сигареты пепел и произнес с хмурой иронией:

– Потому что девушку не просто растерзали. Ее съели.

– Как съели? – опешил Стас.

– С аппетитом, – сказал Лаврененков. – Даже кости разгрызли. Мне почти нечего отправлять на гистологическое исследование. Ладно, пойду заверю протокол осмотра тела.

Он отшвырнул окуроч, повернулся и скрылся между гаражами. Стас кивнул в ту сторону и спросил у Маши:

– Ты ее видела?

– Видела.

– Что, все и впрямь так страшно?

– Да.

Маша затянулась своей коричневой тонкой сигареткой, посмотрела на тротуар, потом – на газон. И сказала:

– Странно все это.

– Что странно? – уточнил Стас.

– Думаю, перед тем как съесть девушку, псы намеренно загнали ее к гаражам, подальше от фонарей.

– Марусь, это были собаки, а не волки, – сказал Данилов. – Ты перепутала.

– Полоска земли между газоном и тротуаром влажная и мягкая, на ней остались следы. – Маша указала на землю. – Вот, смотрите. Это туфли на тонких каблуках. Такие же, как у жертвы. Вот в этом месте она перелезла через заборчик. Зачем, по-вашему, она это сделала?

– Ну, может, хотела отойти к гаражам и отлить? – предположил Стас.

– До ее дома отсюда метров двести. Думаешь, она бы не дотерпела?

– Может, она просто решила сократить путь? Время позднее, хочется быстрее попасть домой.

– Стас, ты когда-нибудь ходил по газону и мокрой земле в туфлях на высоких каблуках?

– Нет. Бог миловал.

– Если бы ходил – так бы не говорил. Что-то заставило ее сойти с освещенного тротуара и пойти к дому мимо гаражей.

– И ты думаешь, что это были собаки?

– Я не думаю, я знаю. На крошке тротуара, в пятнадцати метрах отсюда, есть грязные собачьи следы. Они просто перегородили ей путь и заставили ее сойти с тротуара.

– Если она так испугалась, то почему не повернула назад? Могла бы обойти гаражи и выйти к дому со стороны двора.

– Думаю, путь назад был тоже отрезан. Ей пришлось перелезть через заборчик и идти к гаражам. Это был единственный путь.

Стас покачал головой и сказал:

– Городские псы так не поступают.

– Ты что, кинолог?

– Нет.

– Тогда откуда можешь знать?

К ним снова подошел судмедэксперт Лаврененков.

– Ну, братцы, мне здесь больше делать нечего, – сказал он, стаскивая с рук латексные перчатки. – А вам и подавно. Если, конечно, вы не собираетесь открыть сезон охоты на бродячих собак. – Он сунул руку в карман пальто и достал пачку «Кэмела». Пошерудил внутри и с досадой проговорил: – Черт, сигареты кончились. Маш, дай сигаретку!

– У меня ароматизированные.

– Да плевать.

Лаврененков швырнул пустую пачку и снятые перчатки прямо на газон, взял у Маши коричневую сигаретку и закурил.

– Красивая была девушка, насколько я могу судить, – сказал он, пуская дым. – Хотя судить мне пришлось по остаткам обглоданного лица и кисти левой руки, на которой, увы, осталось всего два прекрасных пальчика.

– Семен Иваныч, – с упреком проговорила Маша.

– Ох, простите, я забыл, что вы, опера, люди чувствительные.

– Семен Иванович, – обратился к нему Стас, – всегда хотел спросить: почему вы выбрали такую экзотическую профессию?

– Видишь ли, Тасик... – Лаврененков стряхнул с сигареты пепел. – Моя мама была врачом. И я тоже мечтал стал врачом. Но я всегда терпеть не мог пациентов.

– Почему?

– Ну, смотри сам: выглядят они неприятно. Это раз. Вечно чем-то недовольны, на что-то жалуются. Это два. А не дай бог, назначишь им что-то не то, так и помереть могут. Правильно?

– Ну вообще-то да.

– Ну вот, – кивнул Лаврененков. – Хорошенько все это обдумав, я выучился на патолого-анатома. А потом перековался в судмедэксперта. Теперь я как бы доктор, но при этом клиенты у меня тихие, претензий никаких не высказывают. И залечить их до смерти я не могу, так как они и так мертвые. Вот и получается, что мои клиенты – идеальные клиенты!

– Да, с этим не поспоришь, – согласился Данилов.

– Думаю, можно убирать останки, – сказал Лаврененков.

Стас повернулся к людям в синих комбинезонах, курившим возле «труповозки».

– Эй, ребят! Она ваша!

Люди в комбинезонах пошвыряли окурки, вытащили из машины складную тележку, разложили ее и покатали к телу жертвы. Лаврененков, обожающий держать под контролем погрузку трупов, направился к ним, а Маша и Стас отошли подальше, чтобы не путаться под ногами.

Стас посмотрел на Машу, и худощавое лицо его приняло всегдашнее насмешливое выражение, а серые глаза замерцали обычным лукавым мерцанием.

– Как твой Глеб? – спросил он. – Все еще живет на даче?

– Угу.

– Уже четвертый день?

– Да.

– Силен, – одобрил Данилов. – Я думал, он через пару дней сбежит.

– С чего это вдруг?

– Сама знаешь. Глеб Корсак – городской парень, насквозь пропитанный бензиновыми парами. Без кафешек, баров и гула толпы он впадет в депрессию.

– Иногда и городским парням хочется отдохнуть от цивилизации, – возразила Маша.

Стас мотнул головой:

– Только не Корсаку. Спорим, он уже завтра, максимум – послезавтра, прискачет обратно в Москву?

– Не прискачет.

– Спорим?

– Если хочешь.

– Ставлю штуку «деревянных»!

– Отвечаю.

Они пожали друг другу руки, закрепляя спор.

– Кстати, наш спор ты уже проиграл, – сказала Маша. – Глеб не вернется в город ни завтра, ни послезавтра, потому что я сама к нему еду. У меня с завтрашнего дня отпуск.

– Вот черт, а я совсем забыл. Наш спор аннулируется. Ты играла нечестно.

Маша улыбнулась:

– Ничего не аннулируется. Но ты можешь вернуть проигранные деньги шашлыками.

Стас лукаво прищурился:

– Могу расценивать это как приглашение?

– Можешь. Думаю, Глеб не будет против. О, а вот и Толик приехал! Толь, привет!

К ним подошел Толя Волохов, русоволосый богатырь со свирепым лицом, но доброй душой. Поздоровался с Машей, пожал руку Стасу.

– Ты чего такой помятый? – спросил его Стас.

– Не спал всю ночь, – пробасил Волохов. – Вozил супругу к целителю-колдуну в Тулу.

Маша понимающе кивнула. Жена Толи Волохова не вставала с постели уже полтора года. Всю зарплату угрюмый, но добрый великан Волохов тратил на лекарства и сиделок.

– Надеешься, что этот шаман поднимет Галю на ноги одной лишь силой взгляда? – насмешливо уточнил Стас.

– Отвали.

– Толя, не будь ребенком. Он выдавит из твоего тощего кошелька последнюю мелочь, а потом скажет, что отрицательная ментальная стена слишком крепка или что-нибудь в этом духе. А ты останешься на бобах.

– Ты не можешь этого знать наверняка, – пробасил Волохов.

– Да брось ты. С таким же успехом я сам могу полечить твою Галю.

Толя Волохов нахмурился, но звонок телефона, запиликавший в кармане у Стаса, не дал ему высказаться. Стас быстро приложил трубку к уху:

– Слушаю! – Он сделал круглые глаза и прошептал одними губами, глядя на Машу: «Старик!»

Затем нахмурился и четко произнес:

– Да, товарищ полковник... Да, Маша и Толя рядом... Да, уже погрузили... Да, я все понял, сейчас же выезжаем!

Он выключил связь, убрал телефон в карман куртки и сказал:

- Ну, ребятки, аврал! Машунь, плакал твой отпуск и мои шашлыки заодно!
- Что случилось?
- Ограбили квартиру сенатора Антипина. Шеф поднимает всех.

5

Ограбление обещало стать громким. Злоумышленник выкрал из дома сенатора Антипина деньги – тридцать тысяч долларов и четыреста тысяч рублей, а также драгоценности на сумму гораздо большую, чем все украденные деньги вместе взятые. Домработница сенатора Антипина, Анжела Семенова, судя по всему, появилась совсем некстати. Вероятно, грабитель не знал, что она находится в квартире. Она услышала шум, вошла в комнату, и грабитель ее убил. Ударил по голове бронзовым подсвечником, забрал награбленное и был таков.

Подозрение, как это обычно бывает, пало на тех, кто был близок к дому сенатора, а именно – на его шофера, личного повара и бывшую жену. Жена вполне могла нанять какого-нибудь громилу, чтобы тот наведлся в квартиру сенатора и забрал то, на что бывшая жена (как ей могло показаться) имела полное право и что по решению суда осталось в квартире сенатора.

Это был уже четвертый допрос за день, и Маша чувствовала себя совершенно измотанной. Она сидела за столом, ссутулившись, уперев локоть в крышку стола и положив подбородок на кулак, а прямо перед Машей сидел крупный, розовощекий и темноволосый мужчина в голубой водолазке и белом пиджаке. Повар высшей категории Шандор Кальман. Лицо широкое, простодушное, но темные глаза смотрят лукаво, иронично. Руки большие, сильные, такими только тесто месить.

– Вы работаете личным поваром у господина Антипина, – сказала Маша.

Шандор Кальман чуть склонил голову:

– Да. – И тут же сообщил: – Мой хозяин обожает венгерский кухня. Я ему часто готовлю этот блюда. Перкельт, папракаш, турошчуса, халасле... Я делать это так, что любой будет облизывать пальцы. Главное – не жалеть рубленый лук. И не экономить на жир и красный перец. И, конечно, никогда не забывать про сметанка. У вас, в России, есть отличный жирный вкусный сметанка.

Кальман поцокал языком, отчего лицо его стало похоже на физиономию добродушного, раздобревшего от сметаны кота.

– Значит, господин Антипин любит сметанку, – сказала Маша.

Повар улыбнулся:

– Нет. Он любит папракаш и перкельт. А их без сметанка никак нельзя. Без хороший, жирный, густой сметанка.

– Вы были знакомы с домработницей Семеновой, не так ли?

Улыбка мгновенно сошла с губ повара, он напустил на себя скорбный вид и сказал со вздохом:

– Да, мы были с ней друзья. Ах, как нехорошо, что ее убий. Мне так жаль, так жаль...

Кальман шмыгнул носом, а на глазах у него выступили слезы. То ли он был хорошим артистом, то ли и впрямь искренне жалел погибшую женщину.

– Анжела была хорошая работник, – сказал Кальман. – И отличный, очень отличный как женщин и друг. Когда я узнал о ее смерть, я так сильно расстроился, что опустил руки и не смог ничего готовить. Даже лангош. Это очень грустно, очень.

Беседа продолжалась еще пятнадцать минут.

Отпустив повара, Маша снова пробежала взглядом по протоколу осмотра тела домработницы. Удар ей нанесли со страшной силой, так что даже помялся подсвечник. Фактически грабитель снес ей всю левую половину черепа. Удар был нанесен сбоку и немного снизу, наотмашь, поэтому о росте убийцы судить было невозможно. Он мог быть высоким и жилистым, а мог – коренастым и широкоплечим.

В квартиру грабитель проник, открыв дверь ключом (если только она не была открыта заранее). Нельзя было исключать, что домработница впустила грабителя сама. Впрочем, среди ее родных и знакомых не было ни уголовников, ни асоциальных типов.

Грабитель оставил труп, но не оставил ни следов, ни отпечатков. Либо профессионал, либо хладнокровный тип, у которого хватило времени все за собой протереть и подчистить. И все же одну важную улику он упустил. Защищаясь, домработница успела вырвать у него клочок волос. При этом под ногтями у нее не осталось ни одной частички его кожи. Прядь волос была перепачкана кровью жертвы.

Вся надежда теперь была на криминалистов.

Маша глянула на циферблат наручных часов – пора было отправляться на совещание к начальнику отдела, полковнику Жуку. Стас Данилов и Толя Волохов уехали еще полчаса назад, и Маше предстояло ехать одной.

* * *

Любимова забралась в салон служебной машины, заняв заднее сиденье. Во время поездок в службе она не любила сидеть рядом с водителем.

Машина тронулась с места. По радио хриловатый голос затянул:

Эх, наяривай, пой, Седой,
Чтоб слеза прошибала штык.
Я ж теперь на всю жизнь блатной.
Эх, амнистия... Пой, старик.

Любимова относилась к вездесущему шансону терпимо, но сейчас он ее раздражал. Она попросила водителя убавить звук радио.

– Не любите мужскую музыку? – насмешливо осведомился шофер.

– Не люблю плохую музыку, – ответила Маша.

Водитель удивленно посмотрел на нее в зеркальце заднего вида.

– Это Шуфутинский, – сказал водитель. – «Бубны, черви». Можно сказать, классика.

– Я воспитывалась на другой классике.

Маша поудобнее устроилась на сиденье и стала смотреть на проплывающие мимо огни большого города. Каждый раз, садясь на заднее сиденье машины и захлопывая за собой дверцу, Маша испытывала приятное чувство покоя, словно хлопок дверцы обрывал все нити, связывавшие ее с внешним миром, полным суеты и проблем.

Машина скользила по улице, и Любимова наслаждалась поездкой. В последнее время она не любила сидеть за рулем сама, предоставляя это право Глебу. Он отлично водил машину, и Маше было приятно чувствовать себя пассажиром. Сидя с ним рядом, она любила сбросить с ног туфельки и водрузить усталые ноги на приборную панель.

Совещание у Старика начиналось через полчаса. Надо, пожалуй, привести себя в порядок. Маша достала из сумочки зеркальце и посмотрела на свое отражение.

Без макияжа она выглядела не слишком-то эффектно. Черты лица правильные, но не слишком выразительные. Маша прекрасно знала, что в ее внешности не было ничего яркого, но это давно перестало ее тревожить. Маша еще лет в семнадцать поняла, что самая заурядная с виду девушка может выглядеть настоящей красавицей.

Это зависит не от взгляда человека, который смотрит на тебя, а от взгляда, которым ты одариваешь себя сама. Говоря проще: красота требует усилий. Но до относительно недавних пор Маша не была уверена в том, что мужчины заслуживают этих усилий. Даже с бывшим мужем она почти никогда не пыталась быть красивой.

Но год, прожитый с Глебом Корсаком, изменил ее. Она дорожила его вниманием и всегда старалась выглядеть «на все сто». Ради Глеба. И пожалуй, с тех пор, как они с Глебом стали парой, это была первая неделя, когда Маша позволила себе забыть о косметике и расслабиться.

Мысли ее перескочили на другую тему. Она вспомнила про девушку, растерзанную собаками. И про другой случай, произошедший недавно в том же районе. Там стая ворон напала на детей, гуляющих на детсадовской площадке. Совпадение?.. Возможно. А вдруг нет?

Интересно, что бы Глеб сказал по этому поводу? Может, позвонить ему и рассказать обо всем?

Перед глазами у Маши встало худошавое лицо Глеба. Его карие глаза, словно подернутые мечтательной дымкой, каштановые, удивительно мягкие волосы, горбинка на переносице, из-за чего в профиль он был похож на странствующего рыцаря со старинных картин.

Нет, не нужно отвлекать его от работы.

Однажды Глеб с сожалением признал, что ему не хватает дисциплины ума и что он не способен подолгу концентрировать свое внимание на одной теме. Глеб называл это «болезнью борзописцев», тем недугом, который мешает хорошему журналисту превратиться в хорошего писателя.

Глеб мечтал написать книгу. Он был уверен, что сможет это сделать. Однако стоило Маше завести об этом разговор, он тут же находил какие-нибудь (очень важные, разумеется) поводы, чтобы вновь отложить начало работы на неопределенное время.

Именно поэтому Маша настояла на том, чтобы он уехал на дачу. Сколько он там продержится? Бог весть.

– Мария Александровна, мы подъезжаем! – оповестил ее водитель.

6

Маша Любимова пришла последней, все другие ребята из отдела уже были в кабинете у Старика.

Стариком опера называли своего начальника – полковника Жука. На вид он был сущим престарелым ангелом – морщинистое лицо доброго дедушки, седые волосы, седые усы, но за маской вежливой приветливости скрывался совсем другой человек. Тот, о котором один из оперативников однажды сказал: «Будьте уверены, наш Старик и в июльский зной мочится ледяными сосульками».

Все знали, сколько непробиваемой стали и бескомпромиссной жесткости скрывается за этой мягкой, интеллигентной внешностью. Старик умел быть милым и славным. Отчасти он таковым и являлся, но лишь отчасти.

На оперативном совещании, к немалому удивлению Маши, присутствовал и сам сенатор Антипин. Он сидел по правую руку от Старика – высокомерный, как римский патриций, ухоженный, вальяжный, недовольный.

Дождавшись, пока Маша усядется, полковник Жук взглянул на сенатора и сказал:

– Продолжайте, пожалуйста, господин Антипин.

Тот нахмурился, обвел всех присутствующих недовольным взглядом и заговорил хорошо поставленным, властным баритоном:

– Прежде всего я хочу сказать, что я крайне заинтересован в том, чтобы вы как можно быстрее нашли грабителя. И дело не только и не столько в украденных драгоценностях и деньгах. Этот негодяй убил нашу домработницу! Он пришел в мой дом и убил женщину, которая жила с нами пять лет и которую мы с супругой безмерно уважали! Никто не может прийти в мой дом и убить человека!

– Это касается любого дома в нашем городе, – заметила Маша. – Да и во всем мире.

Сенатор метнул в нее грозный взгляд. Маша отвела глаза.

– Я напомним присутствующим, что в руке убитой Анжелы Семеновы была найдена окровавленная прядь волос, – сказал полковник Жук. – Это – единственная улика. Никаких других следов мы не обнаружили. Первоначально мы предположили, что эта прядь принадлежала грабителю и что домработница Анжела Семенова вырвала ее, защищаясь. Однако новые данные заставляют нас пересмотреть эту версию. Павел, расскажите всем, что показал анализ?

Эксперт-криминалист Паша Скориков, сущий мальчишка с виду, поднялся со стула, кашлянул в кулак и сообщил:

– Анализ показал, что волосы, которые сжимала в руке жертва, не принадлежат человеку.

– Что это значит? – резко спросил сенатор.

– Это значит, что волосы – не человеческие.

– А чьи же?

– Анализ показал, что это конский волос.

– Моя домработница держала в руке окровавленный клоч конских волос? – Взгляд сенатора стал свирепым. – Что все это значит?

– Есть какие-нибудь предположения? – переадресовал Старик вопрос сенатора своим подчиненным.

Правдоподобных предположений ни у кого не нашлось.

– Вижу, вы тут ни черта не делаете, – сердито проговорил сенатор Антипин.

Полковник Жук кашлянул в кулак.

– Виталий Алексеевич, мы делаем все от нас зависящее, чтобы...

– Мало! – перебил его сенатор. – Мало делаете, Андрей Сергеевич! Это никуда не годится! Грабитель пробрался в мой дом, убил мою домработницу! Убил, понимаете?

Тогда заговорила Маша:

– Помимо домработницы в штате ваших служащих есть повар Шандор Кальман и шофер Кирилл Еськов.

Сенатор одарил ее неприязненным взглядом и сказал:

– Именно так.

– Вы также сказали, что оба эти человека – вне подозрения. На чем основана ваша уверенность?

– Шандор является моим личным поваром уже три года. Это замечательный человек и настоящий мастер своего дела. До того, как устроиться ко мне, он два года проработал в Англии – был личным поваром герцогини Сары Йоркской. Кроме того, он бы никогда не причинил вред Анжеле.

– Почему?

– Потому что они были друзьями. В настоящем, чистом смысле этого слова. Шандор убит горем, но он согласился отвечать на ваши дурацкие вопросы. Не терзайте его больше.

– Кто он по национальности? – спросила Маша.

Сенатор чуть прищурился:

– Венгр. А какое это имеет значение?

– Возможно, никакого.

– Говорю вам: мой повар ни при чем. Так же как и мой шофер Кирилл.

– Да, мы помним, что в момент ограбления и убийства ваш шофер был с вами. И все же – замки на дверях квартиры не сломаны. Они были открыты ключами. Следовательно, либо ваша домработница сама открыла грабителю дверь и провела его в комнату, либо у него были ключи от вашей квартиры. В первом случае Анжела Семенова могла состоять в сговоре с грабителем.

– Вы не слушали, что я вам сказал?

– Слушали, – сказала Маша. – Но мы обязаны проверить все варианты.

– Маша, – прошептал Стас Данилов и тихонько дернул Любимову за край кофточки.

– Мои люди – вне подозрений, – напыщенно заявил сенатор Антипин. – Они преданы мне. Я скорей бы стал подозревать кого-то из вас, чем их.

Маша вспылила:

– Виталий Алексеевич, иногда лучше молчать и казаться идиотом, чем открыть рот – и доказать это.

– Что-о? – прохрипел сенатор. – Что вы сказали?

– Я могу повторить, но, в отличие от меня, вам это вряд ли доставит удовольствие.

Антипин резко, всем корпусом повернулся к полковнику Жуку:

– Как зовут эту даму?

– Если хотите узнать мое имя – обращайтесь ко мне, – сказала Маша.

– Так как ее фамилия?

– Майор Любимова, – глухо проговорил Старик. – Зовут ее Мария Александровна.

– Андрей Сергеевич, прошу вас отстранить майора Любимову от ведения оперативно-разыскных работ по этому делу.

– Мария Александровна – один из лучших наших оперативников.

Глаза сенатора затянулись льдом.

– Андрей Сергеевич, мне повторить мою просьбу?

Полковник нахмурился:

– Не надо.

– Отлично. Надеюсь, вы все поняли. Я попрошу генерала Романова лично проконтролировать этот вопрос. Желаю удачи, господа. Она вам точно понадобится.

Он встал из-за стола и направился к двери. Открыв ее, обернулся и бросил через плечо:

– А вы, Любимова, можете подыскивать себе другую работу.

– Это решать не вам, – сказал вдруг полковник Жук.

Реплика была произнесена с полной невозмутимостью. Сенатор посмотрел на Старика, губы его расплылись в фальшивой улыбке.

– Разумеется, полковник. И все же решение будет принято – вне зависимости от вашего мнения. Всего доброго!

И он вышел из кабинета.

Некоторое время все молчали. Потом полковник Жук сказал:

– Хорошенько потрясите своих агентов. Использовать каждую зацепку, брать к сведению и проверять любую информацию. Обо всем, что покажется вам важным, докладывать лично мне. Есть вопросы?

Вопросов не было.

– Совещание закончено, все свободны. Мария Александровна, задержитесь, пожалуйста.

Оставшись с полковником наедине, Маша сказала:

– Андрей Сергеевич, я понимаю, что сенатор Антипин очень влиятельный политик и что вы...

– Похолодало, – сказал Старик, отвернувшись и задумчиво посмотрев в окно.

– Что?

Он перевел взгляд на Машу.

– Мария Александровна, не волнуйтесь на его счет. Никто вас не уволит. Смело отправляйтесь в отпуск, а это дело мы закончим без вас.

– Да. – Маша нахмурилась. – Хорошо. Честно говоря, я забыла, что ухожу в отпуск. Андрей Сергеевич, я бы хотела сказать пару слов о сегодняшнем убийстве девушки.

– О каком убийстве?

– Девушка, на которую напали собаки, – напомнила Маша.

– Ах да. – Полковник кивнул. – Но я думал, что с этим происшествием все ясно. Оно проходит по разряду несчастных случаев.

– Так-то оно так, но... – Маша запнулась, подыскивая слова.

– Мария Александровна, в действиях собак нет состава преступления, – мягко проговорил Старик. – Звери не подпадают под действия наших российских законов. Даже если мы докажем их злой умысел, мы не сможем посадить их в камеру, потому что у нас нет камеры для собак.

– Но неужели этот случай не кажется вам странным?

– Сам по себе случай, конечно, экстраординарный. Но, мне кажется, здесь все ясно, и действовать должны не мы, а городские службы по отлову беспризорных животных.

– Вчера днем в детсаде номер двадцать четыре стая ворон напала на детей. Воспитательница сумела отогнать птиц, но сама пострадала. Вороны выклевали ей левый глаз, повредили мягкие ткани лица. Произошло это всего в паре кварталов от того места, где собаки загрызли девушку. Не знаю, как вам, а мне это совпадение не кажется случайным.

– Вы считаете, что агрессивность птиц и агрессивность собак была спровоцирована каким-то общим фактором?

– Не знаю. Но я все равно считаю, что случаи эти экстраординарные. И они нуждаются в тщательном анализе и осмысленной оценке.

Старик чуть склонил седовласую голову набок и сказал:

– Мария Александровна, никто не может запретить вам осмысливать и анализировать эти происшествия. Но делать вы это будете в свободное от работы время. Мой вам совет: выкиньте все это из головы и хорошенько отдохните. Всего доброго!

7

Остановившись под табличкой «Место для курения», Любимова достала из сумки мятую пачку сигарет.

– Марусь! – окликнул ее подошедший Стас. – Слушай, ну и тварь этот Антипин. И главное – идиот.

– Не парься, Стас. Все в порядке.

Маша вставила в губы тонкую коричневую сигарету и прикурила от серебряной с позолотой зажигалки «Монблан», которую подарил ей на день рождения Глеб.

– А наш ледяной старикан и слова ему не сказал! – продолжал горячиться Стас.

– Он тянет внуков, ты же знаешь. После смерти дочери он взял над ними полную опеку.

– Все равно обидно.

Маша выдохнула дым и помахала перед лицом рукой. «Стас молодец, – подумала она. – Поддерживает».

Она относилась к своему шепутному коллеге с большой симпатией. Одно лишь ее смущало: после развода с женой Данилос кинулся во все тяжкие, и женщины в его холостяцкой постели менялись с ошеломляющей скоростью. Легкие, ни к чему не обязывающие романы стали для симпатяги Данилова настоящим хобби, которому он посвящал все свое свободное время.

Самое грустное, что Маша помнила Стаса совершенно другим. Влюбленным, верным, преданным своей супруге Жанне, которую он полюбил еще в школе и которую ждал долгих десять лет, пока она прыгала из брака в брак, не обращая внимания на сероглазого, ироничного мальчика-друга, влюбленного в нее по уши.

Три года назад Стас и Жанна стали супругами. Но счастье их длилось недолго. Застав свою Жанну в постели с другим, Стас сломался. Подал на развод, подружился с бутылкой, ушел в запой и практически допился до смерти, но в реабилитационном центре познакомился с какими-то буддистами и благодаря им снова обрел вкус к жизни. Да только жизнь его стала уже совсем другой – с медитациями, йогой, постоянной глумливой усмешкой на губах и этими бесконечными женщинами – блондинками, шатенками, брюнетками, которые косяком тянулись через холостяцкую берлогу Стаса Данилова.

– Что думаешь теперь делать? – спросил Стас.

– Ничего. Поеду на дачу, к Глебу.

– А, ну да. Хороший план. Птички, деревья... – В плоском животе Данилова заурчало, и он скривился. – Слушай, Любимова, пойдем чего-нибудь перекусим, а?

– Нет, я не голодна.

– На диете, что ли?

– Просто не голодна.

– А такое бывает?

– Бывает, – усмехнулась Маша. – Но только не с тобой.

– Ты же знаешь – у меня ускоренный метаболизм. Жру, как слон, и не толстею. Но я ненавижу есть в одиночестве. Ну, давай, Марусь, поддержи меня. А я поддержу тебя.

– В каком смысле? – не поняла Маша.

– В психологическом. Хотя, когда речь идет о тебе, мон шер, я готов поддержать тебя во всех смыслах.

– Вот это перебьешься.

Стас улыбнулся:

– Знаю, Марусь, знаю. Место в твоём сердце уже не вакантно. Слушай, и чего ты только нашла в своём журналисте? Ну, красивый. Ну, талантливый. Ну, образованный. И что с того? Взгляни на меня – я просто переполнен этими достоинствами!

– Точно, – засмеялась Маша. – Достоинства льются через край. Ладно, неотразимый ты мой, идем в кафе. Угощу тебя пиццей.

– Вот это другой разговор! – воспрял духом Стас. – Сейчас сгоняю в кабинет за курткой и твой плащ захвачу.

Данилов сорвался с места и скрылся за углом. Маша посмотрела на часы. Надо бы позвонить Глебу, узнать, как ему пишется. И напомнить о своём приезде. При мысли о Глебе она улыбнулась.

В сумочке зазвонил телефон.

Звонил полковник Жук.

– Мария Александровна, у меня к вам просьба.

– Да, Андрей Сергеевич, какая?

– Не могли бы вы задержаться здесь на выходные? Я только что говорил с начальством. Нам настоятельно посоветовали бросить все силы на поиски людей, ограбивших квартиру сенатора Антипина.

По лицу Маши пробежала тень.

– Да, – сказала она. – Понимаю.

– Вы задержитесь в Москве?

– Да.

– Спасибо. Я знал, что могу на вас рассчитывать.

Старик отключил связь. Маша несколько секунд стояла неподвижно, чуть прикусив нижнюю губу и нахмутив брови. Затем вышла из задумчивости, вздохнула и набрала номер Глеба Корсака.

Глава 2

1

Старый двухэтажный дом с нижним кирпичным этажом и верхним, сделанным из бруса, заново облицованный и утепленный. Три комнаты внизу, две – наверху. Чуть поодаль – длинный сарай, за ним – забор и задняя калитка, выходящая в сосновый лес.

Отличное место для человека, который решил уединиться от всего мира и написать роман.

Комнаты уставлены деревянной старой мебелью. Вдоль стен – полки с книгами. Резной письменный стол с компьютером стоит перед большим окном, выходящим на запад, через которое можно наблюдать закат солнца.

На стенах были фотографии в деревянных рамках, несколько репродукций Брейгеля-старшего и старинная карта Европы под потемневшим от времени стеклом.

Журналист Глеб Корсак унаследовал этот дом несколько лет назад, но привел его в порядок только минувшим летом. Еще год тому назад он даже не помышлял о том, чтобы жить в этом доме. Тогда, до встречи с Машей Любимовой, ему приятно было сознавать себя городским бродягой, весь скарб которого умещается в карманах плаща.

Но с тех пор, как Маша увидела этот дом и пришла от него в восторг, он стал всерьез подумывать о том, что было бы неплохо перебраться сюда из города, родить здесь детей, воспитывать их вместе с Машей...

Да, черт возьми, неужели он не заслужил этого обыденного счастья, доступного любому человеку на земле!

Заслужил. Безусловно, заслужил. Но все это – дела отдаленного будущего. А пока нужно поменьше предаваться мечтам и побольше работать. Пахать, потеть, вбивая в клавиши компьютера свои мысли и переживания.

За пять дней он раз двадцать начинал роман заново, но потом все уничтожал и в итоге сумел написать лишь полстраницы текста. Негусто для пяти дней.

Бальзак написал сто томов книг. Дюма – две сотни романов. Полное собрание Льва Толстого не умещается на полке. А журналист Глеб Корсак, вообразивший себя великим писателем, не смог за неделю продвинуться дальше первого абзаца. Просто стыд и позор!

Пребывая в мрачном настроении, Глеб Корсак смешал себе коктейль – немного водки, чуть больше – тоника, сок, выдавленный из половинки лимона, и несколько кусочков льда.

На колени ему прыгнул соседский котенок, невесть как все время проникавший в дом. Светлые бока, черная мордочка, голубые глаза.

– Опять пришел побираться, балбес? – с напускной строгостью сказал ему Глеб.

Котенок вытянулся на длинных лапах и, мурлыча, потерся мордочкой о небритую щеку Глеба.

Тот засмеялся:

– Наглый подхалимаж! Ладно, подхалим, идем. Угощу тебя колбаской. Ты ведь любишь колбаску, разбойник? По морде вижу, что да.

Глеб опустил котенка на пол, сам поднялся с кресла, прошел к холодильнику, достал кусок колбасы и протянул котенку. Тот схватил колбасу зубами и уволок ее в угол комнаты, где принялся с урчанием поедать.

– Смотри не лопни, – напутствовал его Глеб. И мягко добавил, любуясь гибким, сильным телом котенка: – Самурай.

Пока котенок разделялся с колбасой, Глеб подошел к окну, достал из кармана кофты трубку и жестянку с табаком, неторопливо набил трубку, разжег ее спичкой и с наслаждением пыхнул дымом.

Дым был ароматный, вишневый. Глеб сразу вспомнил Машу Любимову. Она курила тонкие коричневые, ароматизированные сигаретки с золотым ободком и тоже предпочитала аромат вишни. В этом они с ней были похожи.

За окном был забор, выкрашенный зеленой краской. Перед забором – колодец, сложенный из неровных каменных глыб и увенчанный черепичным козырьком. Этот колодец Глеб соорудил сам лет восемь тому назад, когда еще были живы его родители.

Дальше – дерево с начавшими желтеть листьями, густой, колючий кустарник, деревенские дома, деревянные и кирпичные вперемешку.

Вид нельзя сказать чтобы восхитительный, но в те осенние вечера, когда закатное солнце воспламеняло небо над крышами домов и купалось в лучах дыма, выходящего из труб, превращая низкие облака в колышущийся огненный занавес, Глеб чувствовал себя свидетелем настоящего чуда.

Глеб отвернулся от окна и с ненавистью посмотрел на письменный стол и ноутбук. Полстраницы текста за пять дней. Так «плодотворно» он еще никогда не работал. Сюжет романа, задуманный Глебом давным-давно, в московской суете и толкотне, здесь, в дачной тишине, открылся во всей своей беспомощности и слабости. Интрига романа оказалась банальной, развязка – предсказуемой, придуманные герои – картонными. Возможно поэтому, чувствуя провальность и обреченность всей затеи, Глеб и не мог никак начать.

Сумасшедшая, но заманчивая идея неожиданно родилась у него в голове: он представил, как выскочит из дома, прыгнет в свою «Мазду», выведет ее со двора, вдавит акселератор и умчится, не оглядываясь, куда глаза глядят. Мощный четырехцилиндровый двигатель машины начнет жадно глотать бензин, дорога завьется серой лентой, мимо окна стремительно заскользит стена деревьев...

Глеб усмехнулся своим мыслям, и тут (словно часть его фантазий ажурной ниткой вплелась в серую реальность) он услышал урчание мотора и снова посмотрел в окно.

Корсак увидел, как возле калитки остановилась старенькая «Хонда-Джаз», и подумал о том, что зря не взял с собой на дачу проигрыватель и диски с любимой музыкой. Не хотел, чтобы музыка отвлекала его от работы. Ну, и где она, эта работа?

Из «Хонды» выбрался грузный, светловолосый, встрепанный мужчина в коричневой замшевой куртке. Увидев в окне Глеба, он расплылся в улыбке и, крикнув что-то приветливое, замахал руками.

Это был Жора Васильев, арт-директор издательского дома. Глеб, попыхивая трубкой, вышел на улицу.

– А вот и я! – крикнул ему Жора.

– Вижу, – отозвался Глеб мрачным голосом, как человек, которого оторвали от кропотливой, но интересной работы. Но на самом деле он был рад видеть здесь Жору Васильева. Приезд гостя вносит в скучную деревенскую размеренность хоть какое-то разнообразие.

Он пожал Васильеву руку и спросил:

– Тебя каким ветром сюда надуло?

Улыбка сползла с губ толстяка.

– Ты что, забыл? Мы же позавчера по телефону договаривались.

– О чем?

– Как о чем? Да вот об этом!

Жора открыл заднюю дверцу своей «Хонды» и показал на большой бумажный мешок. Глеб напряг память и попытался вспомнить. Позавчера вечером он слегка перебрал с выпивкой

– сюжет романа никак не клеился, фабула не выстраивалась, завязка не удавалась... В общем, пришлось снять напряжение водкой с тоником.

– Вспомнил? – спросил Жора, пристально вглядываясь с худощавое, задумчивое лицо Глеба.

– Смутно, – честно признался Корсак.

Васильев хмыкнул.

– Да, брат, вижу, в этом мире ничего не меняется. Сколько позавчера выпил?

– Много будешь знать – рано полысеешь.

– Мне тридцать шесть, – возразил Жора Васильев. – Так что рано полысеть мне уже не грозит. Короче – напоминаю. Ты еще помнишь, что у нас при редакции есть своя фотомастерская?

– Ну.

– Мы делаем снимки на заказ, распечатываем их с файлов, ретушируем, обрабатываем, ну и так далее – все за деньги клиента.

Глеб пыхнул трубкой и сказал:

– Ближе к делу.

– У нас в мастерской постоянно накапливаются отказные и невостребованные фотки. За последний год накопился целый мешок. Шеф велел мне их ликвидировать, а я не знал как. Я позвонил тебе, и ты сказал: «Вези!»

– И ты привез, – констатировал Глеб.

Жора улыбнулся:

– Угу!

– Целый мешок чужих фотографий, за которыми не явились заказчики, – с той же мрачноватой задумчивостью произнес Корсак.

– И не только! – радостно сказал Жора. – Здесь есть и отбраковка!

– Спасибо, что пояснил. Мне стало намного легче. – Глеб снова пыхнул трубкой, прищурился и произнес: – Напомни, пожалуйста, на кой черт ты мне их приволок?

– Во-первых, будет чем печь растапливать. Это ты сам сказал. А во-вторых... – Васильев пожал покатыми плечами. – Ты же сам не раз говорил, что любишь смотреть картинки. Особенно из чужой жизни. Вот и глазей. Тут тебе есть чем поживиться.

– Ясно. – Глеб слегка оттаял и иронично уточнил: – Фотографии первой брачной ночи? Милых домашних шалостей? Разнузданного отдыха на лоне природы?

– Были и такие, но их я оставил себе.

– Негодяй, – вздохнул Глеб.

– Ну, я ведь тоже живой человек и тоже люблю подглядывать в замочную скважину. – Жора посмотрел на циферблат огромных наручных часов. – Глеб, мне пора мчаться. Давай сгружай мешок.

– Я еще и сгружать должен?

– Но не я же. Посмотри на меня! Я толстый, старый и больной!

– Мы с тобой практически ровесники.

– Значит, ты тоже старый. Но при этом красивый, здоровый и атлетично сложенный! – Васильев добродушно улыбнулся: – Давай, Глебушка, не задерживай меня!

– Ох и наглая ты рожа, Васильев, – вздохнул Глеб.

– Есть немного, – согласился Жора.

Глеб сунул тлеющую трубку в карман, шагнул к «Хонде» и выволок с заднего сиденья бумажный мешок. Весил он килограмм пять.

– Через год привезу тебе вторую партию! – радостно сообщил Жора.

– Вали уже, снабженец.

Васильев засмеялся, хлопнул Глеба по плечу, забрался в машину, махнул на прощание рукой и был таков.

Глеб взял мешок в охапку и понес в дом. Втайне Корсак был рад тому, что Васильев приволок ему этот фотографический хлам. Да чего уж там греха таить – сейчас он был рад любому поводу не работать. Ну, или хотя бы отложить работу на час-полтора.

И самооправдание тут же нашлось: в принципе просмотр чужих фотографий может натолкнуть на свежие мысли. Поможет придумать новые и необычные сюжетные ходы.

В кабинете Глеб поставил мешок рядом с креслом, после чего принес водку, тоник, половинку лимона и чашку с кусочками льда. Смешал себе коктейль, уселся поудобнее в кресло и приступил к делу.

– Тэк-с... – сказал он, доставая из мешка первую толстую пачку фотографий. – Посмотрим, что нам тут покажут.

Снимки были не слишком хорошего качества, некоторые пожелтели, с других сполз глянец, однако Глеба это не смущало. Он был журналистом, а значит – очень любопытным человеком, жадным до информации, фактов и деталей, обожающим приоткрывать завесы над чужими тайнами и секретами.

В течение получаса Корсак сидел в кресле, потягивая коктейль за коктейлем и пролистывая страницы чужих жизней – словно страницы всечеловеческого комикса.

Нашлась тут и «клубничка». Вот девушки-студентки оттягиваются в бане. Мокрые стройные тела, бутылки пива в руках, смеющиеся юные лица. И как только Жора такое просмотрел?

Глеб усмехнулся и достал из мешка новую партию снимков. И тут на столике зазвонил телефон. Глеб отложил фотографии и взял трубку.

– Здравствуйте, Федор Михалыч! – насмешливо поприветствовала его Маша. – Как роман? Продвигается?

– Скачет галопом, аж ветер свистит! Привет, Маш!

– Здравствуй, дорогой! Сколько страниц написал?

Глеб скосил глаза на потухший экран монитора.

– Двадцать, – соврал он, не моргнув глазом, и запил вранье глотком коктейля.

– Молодчина! – похвалила Маша. – Вот видишь, как полезно бывает остаться в одиночестве.

– Не то слово, – согласился Глеб.

– Тебе с работы не названивают? Не отвлекают?

– Да нет. Правда, сегодня Жорка Васильев заезжал. Обогатил меня новыми сюжетами.

– Он может! – засмеялась Маша.

– Кстати, Марусь, завтра суббота. Приедешь скрасить мое холостяцкое одиночество?

– Глеб... – Голос Маши стал виноватым. – Об этом я и хотела поговорить. Я не смогу завтра приехать.

– Так, – сказал Корсак и нахмурился. – Начинается. Когда же ты приедешь? В воскресенье?

– В воскресенье тоже никак. Тут ограбили квартиру одного важного «випа». По горячим следам мы грабителей взять не смогли. «Вип» на всю Москву раскудаhtался про плохую работу полиции. Так что придется нам теперь работать в авральном режиме.

Глеб рассеянно взял из новой пачки снимков верхнюю фотографию.

– Ты чего молчишь? – окликнула Маша.

– Думаю.

– О чем?

– О том, что попадись мне этот «вип» – он бы у меня выпью заверещал.

– Глеб, не будь таким злым.

– Ладно, не буду. – Корсак вздохнул: – Маш, я правда скучаю.

– Вообще или конкретно по мне?

– По тебе. И вообще.

– Ты же сам говорил, что хочешь отдохнуть от людей. Вот и отдыхай.

– Как выяснилось, дачное одиночество не для меня. Ты же знаешь, я насквозь городской житель.

– Ничего, терпи.

– Терплю, – вздохнул Глеб. – А куда деваться.

Он взглянул на карточку, которую держал в руке. Это была свадебная фотография. Жених с невестой, окруженные гостями, на фоне не то Дома культуры, не то церкви. Какие-то березки по бокам. Седовласый мужчина держит в руках открытую бутылку минеральной воды, гости подставляют бокалы.

«Минеральная вода? На свадьбе?.. А где же шампанское?»

Глеб усмехнулся и отложил было фотографию, но вдруг обратил внимание на еще одну странность – на этой странной свадьбе никто не улыбался. Лица гостей были серьезны и сосредоточенны. Такое же сосредоточенное выражение лица было у жениха, совсем еще юного и сублильного мальчика. Что же касается невесты – молодой, привлекательной девушки, – то у нее и вовсе был напуганный вид.

И еще – в правой руке невеста держала красную розу. Стебель был сломан, и полураскрывшийся бутон обреченно висел лепестками вниз. Вид сломанного цветка в руке у невесты заставил Корсака озадаченно нахмуриться. Все это выглядело слишком нарочито, чтобы быть простой случайностью.

Глеб взглянул на стопку фотографий, рассыпавшуюся на столе. Верхние снимки были сделаны на той же свадьбе.

– Ладно, Маш, не буду тебя задерживать, – сказал Глеб в трубку.

– Ты чего так резко сорвался? – удивилась Маша. – К тебе кто-то приехал?

– Ага. Привезли грузовик с водкой и автобус с девушками легкого поведения. Будет чем заняться в выходные. Раз уж ты меня кидаешь.

– Не переутомись, – сказала Маша. – Особенно с водкой.

– Почему это особенно с водкой?

– Потому что во всем остальном ты неутомим.

– Это правда, – скромно согласился Корсак.

В трубке что-то зашуршало.

– Глеб, ты куда-то исчезаешь, – сказала Маша.

– Да, у нас тут на сотовой вышке неполадки, поэтому связь может пропасть в любой момент.

– Я тебе перезвоню попозже, хорошо?

– Ладно.

– Не скучай там! Надеюсь, в понедельник приеду, и мы проведем вместе целую неделю!

– Верится с трудом, но я не перестаю надеяться.

– Ну, пока!

В трубке опять зашуршало.

– Пока! Привет Старику. Поскорей бы уж этого цербера спровадили на пенсию!

Глеб отнял трубку от уха и посмотрел на дисплей. Связь пропала. Он положил телефон на стол, затем взял из стопки свадебные фотографии. Десять глянцевых карточек, отснятых дешевой мыльницей. В нижнем правом углу каждой фотографии – огненные цифры даты. Двадцать шестое сентября прошлого года.

На всех без исключения снимках лица молодоженов и гостей выглядели так, будто они не на свадьбе, а на похоронах.

– Надо же, – хмыкнул Глеб. – Умеют люди веселиться, ничего не скажешь.

Просмотрев четыре фотографии, на которых были изображены все те же люди, только в разных местах – в парке, перед домом, за праздничным столом, Глеб взглянул на следующую карточку.

На этот раз молодожены и их гости снова сидели за столом, уставленным яствами и бутылками с минералкой. Все присутствующие – и молодые супруги, и их гости – повернули головы и смотрели в объектив фотоаппарата. Но на этот раз двое из гостей улыбались, но лучше бы они этого не делали. Улыбки вышли искусственными, противоестественными и от этого довольно жутковатыми.

Среди гостей внимание Глеба привлек один человек, который отличался от прочих более живым лицом и некоторой изысканностью в одежде. Это был невысокий, седовласый мужчина лет шестидесяти. Он был одет в светлый костюм и голубую рубашку, а вместо галстука под гладко выбритым подбородком у него красовалась красная бабочка. Пожилой мужчина был немного похож на известного адвоката Добровинского – то же лицо лукавого добряка, те же юморные глаза за стеклами очков.

На одной из фотографий молодожены и их гости стояли на фоне щита с названием населенного пункта. «Хамовичи» – гласила надпись белыми буквами по синему фону.

Глеб взял со стола телефон и набрал номер одного из коллег-приятелей, прославившегося тем, что умеет оперативно собирать информацию.

– Да, Глеб, привет! – бодро отозвался тот.

– Салют, Серж! Как твое ничего?

– Все так же. А ты как? Говорят, надумал жениться?

– Эта мысль посещает мою голову, но пока не слишком часто.

После обмена парой-тройкой дежурных фраз Глеб перешел к делу:

– Слушай, Серж, сделай для меня кое-что.

– Кое-что? Звучит неопределенно. А что я получу взамен за это «кое-что»?

– Доброе слово и чашку кофе.

– Маловато.

– Два добрых слова и воздушный поцелуй. А теперь слушай: я сейчас в деревне, и у меня тут проблемы с Интернетом. Связь очень слабая и постоянно обрывается.

– Ясно. Хочешь, чтобы я порылся в Сети и выудил для тебя какую-то информацию?

– В точку! Меня интересует населенный пункт под названием Хамовичи. Судя по всему, это небольшой городок, село или поселок городского типа.

– Ладно, сейчас пошарю. Повисишь?

– Угу.

Глеб включил телефон на громкую связь и положил его на стол. А сам быстро смешал себе новый коктейль.

– Глеб, ты тут? – донесся из динамика голос приятеля.

– Да, Серж, говори.

– Хамовичи – это поселок. Находится к юго-востоку от Москвы. Триста пятьдесят километров от МКАД, если быть совсем уж точным. Население – около двух с половиной тысяч человек. Ты слушаешь?

– Да.

– Продолжаю...

Серж подробно пересказал все, что вычитал из Интернета. После чего весело осведомился:

– А тебе зачем? Собрался в тур по российским мухосранскам?

– Ага, что-то вроде того. Спасибо тебе, Сержунь!

– Спасибо в стакан не нальешь. С тебя кофе с коньяком. Но чтобы не вводить тебя в траты, можно просто коньяк – без кофе.

– Заметано. Не болей!

Глеб отключил связь, откинулся на спинку кресла и, попивая коктейль, снова неторопливо пересмотрел свадебные фотографии. Напуганная невеста, напряженные гости, мальчик-жених с улыбкой, натянутой, как простыня для просушки. В глазах невесты, широко раскрытых, – мольба о помощи. Продолжая просматривать снимки, Глеб отметил неестественную бледность многих гостей и их неживые, оцепенелые лица, словно мышцы этих лиц были стянуты спазмом.

Впрочем, Глеб допускал, что у него просто разыгралось воображение, и это разыгравшееся воображение сумело нарисовать реальный фон для вымышленных событий.

Корсак отпил глоток коктейля и пробормотал вслух:

– Что же это все значит?

С каждой минутой в его душе все сильнее разгоралось любопытство. Что же там у них происходит, в этих Хамовичах? Какая у людей должна быть причина, чтобы устроить эту ужасную «свадьбу»?

Глеб нахмурил лоб. Триста пятьдесят километров от Москвы... В принципе не так уж и далеко. Навигатор в машине исправный. Запас сигарет, напитков и бутербродов такой, что хватит до Второго Пришествия (благодаря стараниям Маши).

По пути можно будет остановиться в месте, где есть хорошая, устойчивая связь, и самому пошариться в Интернете.

Да, но как же работа?

Глеб взглянул на компьютер, и лицо его передернулось. Продолжить это самоистязание? Выдавливаться из себя слова, сплестать их в предложения – и это при том, что даже четкого плана работы нет?

Глеб качнул головой – нет, так дело не сдвинется с мертвой точки. Еще несколько секунд он размышлял, а затем проговорил уверенным голосом человека, который принял решение:

– Или я съезжу и развеюсь, или сопьюсь здесь, к чертовой матери. Но сперва – пару чашек крепкого кофе, чтобы выбить из головы хмель!

2

В путь он отправился, как делал все в жизни, – не мешкая. Первый час Глеб наслаждался скоростью, поездкой, проносящимся мимо окон пейзажем, музыкой, льющейся из динамиков CD-проигрывателя. Корсак чувствовал себя свободным, понимал цену этому чувству и наслаждался им.

Когда после нескольких часов езды пришла усталость, Глеб не собирался унывать. У него была цель, им двигало любопытство – пожалуй, самое сильное чувство, на которое он был способен.

Глеб часто проводил за рулем по полдня, и все же на исходе четвертого часа пути он почувствовал, что вот-вот заснет, убаюканный однообразием проносящегося мимо пейзажа. Он уже стал подумывать о том, чтобы остановиться и поспать полчаса, но внезапно увидел впереди поворот и указатель, оповещавший, что до Хамовичей осталось десять километров.

Глеб остановил машину перед дорожным указателем. На лице его застыло озабоченное выражение. Дело было не только в том, что табличка со словом «Хамовичи» выглядела так, словно в последний раз ее подновляли лет пятнадцать тому назад, но и в том, что дорога, на которую указывала стрелка, смотрелась ничуть не лучше, чем сам указатель.

Разбитая, с растрескавшимся бордюром, с травой, вылезшей из щелей в асфальте.

Двигатель тихо урчал. Вокруг был лес. Где-то далеко то ли выла, то ли ухала какая-то птица.

Глеб еще раз сверился с навигатором. Сомнений не было – разбитая, старая дорога вела именно к Хамовичам.

Что ж... Если другой дороги нет, придется ехать по этой.

Глеб медленно тронул машину с места и свернул на старую дорогу.

Удовольствие от поездки сменилось адом. Впрочем, километра через два дорога более-менее выровнялась, и езда перестала быть похожей на скачки.

Глеб краем глаза заметил какую-то тень, пронесшуюся рядом с машиной. Он повернул голову и посмотрел в том направлении, однако ничего необычного не увидел. Поле с жухлой, пожелтевшей травой, полоса молодых, полуголых деревьев.

Глеб пожал плечами и отвернулся, снова устремив взгляд на дорогу перед собой, и тут он увидел черную птицу, которая летела впереди – метрах в пятнадцати перед машиной. Казалось, что она просто висит в воздухе, лениво взмахивая крыльями. Птица двигалась с той же скоростью, что и автомобиль, – она не уменьшалась и не увеличивалась, и Глебу это показалось странным. Впрочем, продолжалось это недолго: спустя секунд десять птица (а Глеб уже понял, что это была ворона) взмыла в воздух и скрылась из глаз.

Впереди показалась заправка. Глеб сбросил скорость.

Когда машина остановилась, навстречу ей вышел худой, угрюмый подросток в красной бейсболке.

– Привет! – сказал ему Глеб, выбираясь из салона.

Парень никак не ответил на приветствие.

– Девяносто пятый, полный бак, – распорядился Глеб.

Парень кивнул и принялся за работу. Глеб огляделся. Рядом с заправкой располагалось небольшое кафе с банальным названием «Придорожное». Глеб решил, что не будет ничего дурного, если после четырех часов езды он не только заправит машину бензином, но и съест кусок пиццы (ну, или что тут у них подают) и запьет его чашкой крепкого горячего кофе (пусть даже растворимого).

На двери кафе висела табличка «Закрито», но Глеб ее проигнорировал.

В кафе было пусто. Об оконное стекло с монотонным жужжанием билась вялая муха.

– Здравствуйте! – громко сказал Глеб.

– И тебе не хворать, – отозвался ворчливый голос.

Из подсобки вышел толстый старик с такими же голубыми, выпуклыми глазами, как у мальчика с заправки, и в такой же красной бейсболке. Глянул на Корсака недовольным, неприветливым взглядом и пояснил причину своего недовольства:

– Вообще-то мы уже закрыты.

– Да, я видел табличку. Но я подумал, что, может быть, вы согласитесь сделать для меня чашку кофе. Я готов заплатить по тройному тарифу.

Старик прищурился и насмешливо уточнил:

– Так ты богач?

– Не совсем. Но на кофе хватит. Даже на чаевые останется.

– Ладно, уговорил.

Старик включил в розетку электрочайник, стоявший на барной стойке. Глеб закурил.

– Сколько отсюда до Хамовичей? – поинтересовался он.

– Недалеко, – ответил старик, открывая банку с кофе.

– Вы сами оттуда?

– Нет. У меня дом за заправкой. Там и живу.

Закипел чайник. Старик, немного повозившись, поставил перед Глебом чашку с черным кофе. На боку белой чашки было написано красными буквами «Мы вам рады!»

Лицо старика, однако, говорило об обратном.

Кофе, как и следовало ожидать, был дрянной. Но после нескольких часов непрерывной езды Глеб был рад и такому.

– Живете анахоретом? – поинтересовался он, размешивая ложечкой сахар.

– Что-то вроде того.

– А на заправке ваш сынишка?

– Внук.

– Он живет с вами?

– Угу.

Глеб отхлебнул кофе.

– Дорога к вашему поселку неважная, сплошь ямы да буераки.

– Это ты скажи мэру нашего района, когда будешь брать у него интервью.

– Интервью?

– Угу. Или как вы там называете это дело – когда два недоумка болтают о разной ерунде, а потом их разговор пропечатывают в газетенке, которая годится только на то, чтобы зад подтереть.

Глеб усмехнулся:

– Ясно. Значит, вы решили, что я журналист.

– А кто еще попрется в нашу глухомань? Нынче в столицах модно тискать статейки про провинциальных идиотов. В разделе «Они тоже люди».

– Это верно, – согласился Глеб. – Но я не журналист.

– А кто ж тогда? – прищурился хозяин кафе.

– Я писатель. Ищу тихое местечко в средней полосе, чтобы завершить свой новый роман.

– Вот оно что. – Старик ухмыльнулся. – Выходит, писатели – такие же никчемные и безмозглые болтуны, как и журналисты.

Глеб как раз вставлял в губы новую сигарету. Он удивленно посмотрел на старика и спросил:

– Почему же безмозглые?

– Потому что у нас тут не курорт. Ни пансионатов, ни домов отдыха. Обычная дыра.

Глеб закурил. Потом достал из кармана одну из свадебных фотографий и положил перед хозяином кафе.

– Знаете их?

Старик взглянул на снимок, прищурился и неприязненно спросил:

– Откуда это у тебя?

– Случайно попала в руки. Так вы их знаете?

Он мотнул головой:

– Нет.

– Сказали как отрезали, – усмехнулся Корсак. – Но они стоят возле указателя.

– И что с того? Мало ли кто стоит возле указателей. Ты тоже можешь сфотографироваться возле указателя, а я даже имени твоего не знаю. И узнавать не хочу.

Хозяин кафе снял красную бейсболку, промокнул седую, лысоватую голову платком и снова водрузил бейсболку на прежнее место.

– Ты давай, – снова заговорил он, – допивай свой кофе и отчаливай. У меня еще дел по горло.

– Не очень-то это вежливо – выгонять клиента, – заметил Глеб.

– А я тебе не друг, не брат и не сват, чтобы перед тобой высекать. Сказано – закрываю, значит, закрываю.

– Ладно, отец, не сердись. Уже уйду.

Глеб потушил сигарету в пепельнице, залпом допил кофе и спустился с высокого барного стула. Спрятал фотографию в карман плаща.

Когда он повернулся, чтобы идти, хозяин кафе окликнул его:

– Слышь-ка!

Глеб обернулся:

– Что?

– Не надо тебе туда ездить, парень. Возвращайся в свою Москву.

– Это почему же?

– Народу в поселке осталось мало, все друг друга знают и живут тесной общиной. Заезжим гастролерам там точно делать нечего.

– Я не гастролер, – сказал Глеб. – Я добрый путешественник. Но спасибо за информацию.

– Там, впереди, будет река Малая Кижма, а через нее – мост. Подумай, прежде чем переезжать через него. Назад пути уже не будет.

– Мосты для того и существуют, чтобы их переезжать, – сказал Глеб. – Иначе бы их не строили.

– Мое дело – предупредить, твое – выслушать.

– Мудро, – одобрил Глеб. – Я свое решение принял. Всего доброго!

– И тебе не хворать.

Хозяин смотрел Корсаку вслед, пока тот не вышел из кафе. А когда дверь за ним закрылась, дернул щекой и пробормотал:

– Не к добру это. Не к добру.

3

Чем ближе были Хамовичи, тем тревожнее делалось на душе у Глеба. Он бы и сам толком не смог сформулировать причину своих опасений. То, что он знал про Хамовичи, говорило о том, что это безобидный и, в общем, приятный городок.

Водохранилище, холмы, леса... Завод по бутилированию минеральной воды... Консервный завод... Большое рыбное хозяйство... Замечательно! Городок нашел свою нишу и свой собственный способ выживания в бурном и гибельном водовороте конкурентной борьбы. Минеральная вода из Хамовичей стоит в каждом магазине, отличается хорошим качеством и пользуется спросом. Прекрасно! Люди работают, держатся друг друга – что же тут неправильного или зловещего?

С опаской относятся к приезжим? А разве сам ты не таков, Глеб Олегович? Разве не ты в пьяной беседе часто доказывал приятелям, что мир лежит во зле и что встретить доброго, умного человека в наше время (да и в любые времена) – большая редкость?

И разве ты сам, будь у тебя дети, впустил бы в квартиру незнакомца, попросившегося на ночлег, втайне не сжимая в кармане рукоять травматического пистолета?

Небольшие сообщества единомышленников стойко охраняют границы своего суверенитета. И настороженно относятся к чужакам. Все это в порядке вещей.

Вернее – было бы в порядке вещей, если бы не фотографии, лежащие у Глеба в кармане. Испуганное лицо невесты, скорбные глаза родителей и напряженные, фальшивые улыбки гостей – все это не могло быть нормой даже в самом тесном и закрытом сообществе.

Мимо машины пронесся знак, извещавший о том, что впереди дорогу пересекает река под названием Малая Кижма. А вскоре показался бетонный мост.

На секунду Глеба охватило странное тревожное чувство, он сбросил скорость и едва не остановил машину, но чувство тревоги прошло так же внезапно, как и появилось, Глеб чертыхнулся и снова нажал на акселератор.

Ему вдруг подумалось, что река эта похожа на подземную реку Стикс, отделяющую мир живых от мира мертвых.

Вдоль дороги брела рыжая, тощая собака.

– А вот и цербер, – усмехнулся Глеб.

Заслышав шум автомобиля, собака остановилась, обернулась и проводила машину Глеба задумчивым взглядом.

Черная «Мазда» бодро покатила по бетонному мосту. Глеб пересек реку.

Глава 3

1

В ресторанчике, расположенном в паре шагов от здания ГУВД, было шумно и накурено.

– О, Волохов идет! – воскликнул, отрываясь от бифштекса, Стас. – Привет, человек-скала!

– Привет, полурослик. Мария Александровна, наше вам!

Толя Волохов приподнял пижонскую фетровую шляпу в знак приветствия, снова нахлобучил ее на большую, встрепанную голову и уселся на стул. Тот угрожающе скрипнул под его мощным телом.

Толя взял графин, наполнил водкой рюмку Стаса, сгреб ее со стола и залпом выпил.

– С ума сошел! – утрированно ужаснулся Данилов. – На голодный желудок?

– И что? – прищурился Волохов.

– Это же чудовищный удар по организму.

Толя криво ухмыльнулся:

– Стасик, этот удар я принимаю с детства. – Он снова взялся за графин и взглянул на Любимову: – Маш, накапать тебе пятьдесят капель?

Маша дернула уголком губ:

– Знаю я ваши пятьдесят. Все с этого и начинается. Сначала «по пятьдесят». Потом «еще по пятьдесят». Потом «на ход ноги». Потом «начисли, дядя». А кончится все постыдным беспомощством и утренней головной болью.

– Ты не весь список огласила, – заметил Стас. – Есть еще «по последней». Потом – «теперь совсем по последней». Потом «теперь точно по последней». И наконец: «Последние триста, в графине, и уходим».

Маша засмеялась.

– Об этом я и говорю!

Толя подозвал официантку и попросил принести еще одну рюмку, и как только рюмка появилась на столе, наполнил ее водкой. Пододвинул рюмку Маше:

– Выпей – полегчает.

Маша хмуро посмотрела на рюмку, потом пожала плечами, взяла ее и опустошила залпом.

– Уф-ф...

– Заешь грибочком, – заботливо проговорил Стас и вручил ей вилку с насаженным на нее соленым рыжиком.

Любимова, морщась, заела.

– Ну, как? – с интересом поинтересовался Толя.

– Гадость! – ответила она.

Мужчины снисходительно засмеялись.

– Когда стану начальником отдела, заставлю всех оперов выпивать с утра по пятьдесят грамм водки – для поднятия боевого духа! – объявил Волохов.

– «Начальником отдела», – передразнил Стас. – Высоковато метишь, майор.

– До полковника точно дослужусь, – уверенно сказал Волохов.

Стас Данилов обнял его за плечи и насмешливо проговорил:

– Ах ты мой мальчик, хватающий звезды!

– Убери лапы. – Толя двинул плечом и сбросил руку Данилова. – Кстати, Тасик, ты мне должен полторы тысячи рублей, помнишь?

– Долги отдают только трусы, – заявил Стас.

Толя посмотрел на него суровым взглядом и проговорил с угрозой:

– Попробуй только не отдать.

– А что будет?

– Рискни – и узнаешь.

– Ну, а если рискну? Убьешь меня, что ли?

Несколько секунд мужчины смотрели друг другу в глаза. Русоволосый, вечно небритый Волохов был могучим, как русский богатырь. Его широкие плечи и толстые руки сделали бы честь портовому грузчику или цирковому силачу. Темноволосый Стас Данилов был на полголовы ниже ростом, худощав, но довольно мускулист. Он обладал приятной наружностью, тогда как Толя Волохов был вылеплен грубо и просто. Чувственные черты Стаса и его светящийся мальчишеский взгляд обезоруживающе действовали на женщин, но громила Волохов был к его чарам равнодушен.

Первым молчание прервал Толя.

– Вот сейчас возьму тебя за бока, сожму, как тубик с зубной пастой, и выдавлю, к черту, все твое обаяние, – сказал он. – А потом погляжу, останется ли в тебе хоть что-нибудь стоящее.

– Знаешь что, Толя... иди-ка ты в задницу! – сказал на это Стас.

– Только если ты полезешь вперед и будешь светить фонариком, – парировал Волохов.

Маша отодвинула от себя рюмку и снова поморщилась.

– Девочки, хватит вам ссориться, – произнесла она. – Потом подергаете друг дружку за косы.

Волохов хохотнул, лицо его снова стало добродушным. Он посмотрел на Машу и сказал:

– Как думаешь, Марусь, мы его найдем?

– Кого? – не поняла Маша.

– Чудака, который грабанул квартиру сенатора.

– Не знаю, Толь. Зацепок слишком мало.

– Будем надеяться, что нам повезет.

– Когда это нам везло? – насмешливо осведомился Стас.

Громила Волохов открыл рот для ответа, но тут Стас воскликнул, уставившись в сторону входной двери:

– Маш, смотри-ка кто идет. Это же сенатор Антипин! Заскочил в наш бар пропустить рюмашку-другую вискаря.

Это действительно был он – сенатор Антипин. Он шел к барной стойке в сопровождении двух крепких парней, которые тщетно пытались казаться независимыми и незаметными. Неприязненно поглядывая по сторонам, сенатор остановился у стойки и заказал что-то у бармена.

Маша встала из-за стола.

– Ты куда? – удивленно окликнул ее Стас.

– Сейчас приду.

Маша направилась к барной стойке. Присела на высокий стул рядом с сенатором, посмотрела на стакан с виски, который бармен поставил перед Антипиным, и громко осведомилась:

– Решили утопить свое горе в вине?

Сенатор скосил на нее глаза, поморщился и сухо обронил:

– А вам какое дело?

– Никакого, – сказала Маша. – Просто странно видеть, как правительственный чиновник превращается в божьего пропойцу. Оказывается, вы тоже живой человек.

– Вы удивлены?

– Конечно. Обычно я вижу правительственных чиновников по телевизору. До встречи с вами я даже сомневалась, существуют ли они на самом деле или это всего лишь компьютерная графика.

– И как? Теперь убедились, что я живой?

Маша качнула белокурой головой:

– Не совсем.

– То есть.

– Выглядите вы как живой. Но взгляд у вас мертвый. И голос злой. И вообще, вы напоминаете мне стереотипного злодея из дешевого голливудского фильма. Куча самолюбия и ни капли здравомыслия.

Сенатор обхватил пальцами стакан с коричневым напитком, в котором покачивались куски льда.

– Это все, что вы хотели мне сказать?

– Да. Хотелось бы послать вас куда подальше, но тактичность не позволяет.

Антипин не обиделся. Лишь усмехнулся и произнес:

– Если бы вы только знали, Мария Александровна, как много раз меня туда посылали. Но идти туда приходилось не мне, а тем, кто посылал. Пожелаю и вам счастливого пути.

– Спасибо за пожелания. Хотела бы и я сказать то же самое, но ваш путь не будет счастливым. Такие, как вы, бывают богатыми и удачливыми, но счастливыми... – Она покачала головой. – Никогда.

Маша вернулась за стол к коллегам.

– Марусь, ты там ничего лишнего не наговорила? – с опаской спросил у нее Стас.

– Не знаю, – угрюмо ответила Маша. – Да плевать.

Стас и Толя переглянулись.

– И что на тебя нашло? – прогудел Толя.

– Сама не знаю. Наверное, сработали твои «пятьдесят грамм».

Сенатор между тем выпил свою порцию виски, расплатился и зашагал к двери. Стас посмотрел ему вслед и сказал:

– А что, если он сам грохнул свою домработницу?

– Зачем ему это? – осведомился Волохов.

– Ну, может быть, у них был роман? Она его стала шантажировать, и все такое. Подобное сплошь и рядом бывает.

– Если закончим это дело благополучно – выпью бутылку шампанского, – объявил Толя Волохов. – Прямо из горлышка. Потом сниму в баре красотку и займусь с ней безудержным сексом.

Стас криво ухмыльнулся:

– Только не надо косить под меня, здоровячок. От шампанского у тебя закружится голова, красотка накрутит тебе фигу, а секс за последние полтора года ты видел только по телевизору.

– Толь, налей мне еще, – попросила Маша. – Только немного.

Волохов взял графин и наполнил ее рюмку наполовину. Маша залпом выпила.

– Пойду на свежий воздух, – сказала она, вставая.

– Я провожу! – произнес Стас.

– И я! – привстал Волохов.

Маша мотнула головой:

– Не надо. Я подышу и вернусь.

– Точно?

– Да. Не волнуйтесь за меня.

На улице Маша полной грудью вдохнула осенний холодный ночной воздух. Уже стемнело. И на сердце у нее было так же темно, как вокруг. Откуда-то взялось неприятное предчувствие, словно ее ожидало впереди что-то страшное.

Маша достала из сумочки телефон и набрала номер Глеба.

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия Сети, – пропел из трубки женский голос.

Маша повторила попытку – но с тем же результатом. Не добившись желаемого, она убрала трубку в сумку, достала сигареты и закурила. Сделала несколько затяжек, но курить ей почему-то не хотелось, и она бросила сигарету в темноту за конусом желтого света. Красная точка, прочертив сверкающую дугу, растаяла во мраке.

Начал накрапывать дождь. Капли дождя увлажнили ей лицо. С тяжелым от предчувствий сердцем Маша собралась вернуться в бар, но остановилась, несколько секунд стояла в нерешительности, а затем повернулась и зашагала к стоянке такси.

2

По пути домой Маша заехала в магазин и купила бутылку белого испанского вина Grand Feudo.

В холле магазина стоял стеллаж, на котором красовались коробки с фильмами. Среди них была «Живая сталь». Название фильма заставило Машу задуматься. Вроде Митька что-то говорил про этот фильм. Поколебавшись, она сняла диск со стеллажа и присоединила его к другим покупкам.

Рядом с магазином был Макдоналдс. Маша зашла и туда – прикупить сыну Митьке его любимую фастфудовскую еду. По пятницам и субботам они устраивали «праздник непослушания», в эти дни Митька мог есть все, что захочет, смотреть телик до поздней ночи или круглые сутки напролет играть в компьютерные игры.

Митька встретил ее на пороге возмущенным возгласом:

– Ма, ты почему так поздно?

– На работе задержалась, – соврала Любимова.

– Задержалась? – Митька захопал глазами. – Значит, ты и правда забыла, о чем мы договаривались!

– Что? – Маша наморщила лоб. – А о чем мы договаривались?

– Ты обещала, что мы пойдем сегодня в кино, – угрюмо проговорил Митька. – Я прождал тебя весь вечер.

Маша осознала свою ошибку, но, привычно считая нападение лучшим способом обороны, сказала:

– Чем возмущаться, лучше помоги мне снять сапоги.

Митька, пыхтя и краснея от усилий, стянул со стройных ног Маши узкие сапоги.

– Почему не позвонил и не напомнил? – спросила Маша.

– Хотел проверить, вспомнишь ты сама или нет, – угрюмо ответил сын.

– Ну, прости. У меня правда было много работы. Но, знаешь, я могу реабилитироваться. Сейчас увидишь, что принесла.

Она раскрыла пакет и жестом фокусника, достающего из шляпы живого кролика, извлекла из пакета диск с фильмом.

– Вуаля! Зачем тащиться в кино, если можно посмотреть классный фильм на DVD! И заметь: за гораздо меньшие деньги.

Митька захопал глазами:

– Мам, она же пиратская.

– А ты что – прокурор?

– Нет, но... Там наверняка плохое качество.

– Там в главной роли Хью Джекман, а он в любом качестве хорош. Не капризничай, Димитрий. Кстати, это еще не все. Я кое-что купила – под кино.

Она достала бумажный пакет с бигмаком, гамбургерами и картофелем фри.

– Чипсы, гамбургеры и кока-кола! Но нам на уроке ОБЖ говорили, что это вредно.

– Не волнуйся, у тебя хорошие гены.

Маша прошла в комнату, рухнула в кресло и вытянула на пуфе гудящие от усталости ноги. Пока Митька хлопотал, раскладывая на столике еду и вставляя в проигрыватель диск с фильмом, Маша задремала.

Звонок заставил ее вздрогнуть и проснуться.

– Что это? – сонно спросила она Митьку, который сидел на полу, уставившись в экран телевизора и жуя картофель фри.

– Кто-то пришел, – ответил он, не оборачиваясь.

– Откроешь?

– Ты что, ма, а вдруг это бандиты? На улице ночь, а я маленький.

– Ладно, юморист, открою сама.

Маша поднялась с кресла и, зевая, пошла в прихожую.

Открыв дверь, она увидела на пороге соседку-подругу Лидку. «Интересную барышню тридцати с небольшим лет», как пишут обычно в романах. Правда, интересного в ней сейчас было немного. Старый халат, мягкие тапки на босу ногу, в рыжих волосах – бигуди.

– Привет, подруга! – бодро поприветствовала Лидка усталую Машу.

– Привет!

– Глеб дома?

– Нет.

– Тогда я войду.

Лидка бесцеремонно ввалилась в прихожую и в ответ на вопросительный взгляд Маши выдала свою обычную тираду: «Я своего хомяка спать уложила, детей тоже, зашла к тебе потрепаться... А разве тебе завтра не на работу? Ты что, подруга? Завтра же суббота!... Ах да, ты же полицейский и ловишь бандитов, а у них выходных нет. Ну, я ненадолго».

Пройдя в комнату Маши, Лидка сразу поинтересовалась:

– Глеб все еще на даче?

– Черт! – спохватилась Маша. – Я ведь должна была ему позвонить!

– Ничего, переживет. Мой хомяк был бы рад не слышать моего голоса два дня подряд. Кстати, как ты своего Глеба одного отпускаешь?

– А что?

– Как это «что»? Вокруг полным-полно хищниц, готовых утащить с твоего стола лакомый кусочек. А Глеб у тебя мужчинка видный.

– Какой кусочек? – рассеянно переспросила Маша.

Лида посмотрела на подругу с сожалением. Вздохнула:

– Ладно, проехали. У тебя закуска есть?

– Не помню. Пойду спрошу у Митьки: может, картошка с гамбургерами остались.

– Не пойдет. От гамбургеров и картошки полнеют.

Маша поморщилась:

– Лид, ты-то хоть не выступай.

– Хорошо тебе: сколько не ешь, а все равно худая.

– Побегай с мое – тоже похудеешь.

– Мам! – донесся из гостиной призывный Митькин голос. – Кто там?

– Тетя Лида пришла в гости!

– А-а.

– Привет, Дим! – крикнула Лидка.

– Здравствуйте, тетя Лид!

Соседка посмотрела на Машу осуждающим взглядом:

– Он у тебя до сих пор не спит? Ужас какой!

– Сегодня пятница – «день непослушания».

– Ах, да, – кивнула Лидка. И усмехнулась: – Я забыла, что у вас с сыном «высокие отношения». А я тебе так скажу: пороть их надо, вот и весь разговор. А то слишком много мы с ними сюсюкаемся. Слушай, Машунь, у тебя есть чего-нибудь выпить?

– Да. Сейчас принесу.

Маша ушла на кухню и вскоре вернулась с бутылкой Grand Feudo, бокалами и вазочкой с зелеными оливками.

– О! Широко живешь, уважаю! – обрадовалась Лидка, которая, наряду с прочими достоинствами, ценила в подруге то, что та пила исключительно приличные вина.

Лидка забрала у Маши бутылку и наполнила бокалы. Они подняли бокалы и сделали по глотку.

– Ммм, – промычала Лидка. – Класс! Ты знаешь, в последнее время я пью слишком много вина. Не такого дорогого, как у тебя, конечно, но все равно. И знаешь – мне даже немного страшно. Иногда сяду и думаю – все, спиваюсь. А остановиться все равно не могу. Выпьешь бокал-другой, и так хорошо на душе становится... Словами не передать!

Лидка продолжила трепаться, а Маша сидела с ногами на диване, держа в руках бокал, и думала о том, с каким наслаждением она бы сейчас легла в постель. Когда Лидка сделала перерыв в своем нескончаемом диалоге и потянулась за бутылкой, Маша увидела, что на черной веревочке, висевшей на голой шее Лидки, появился новый кулон.

– Новое украшение? – поинтересовалась Маша.

– Где?

– Не шее.

Лидка опустила взгляд.

– Ах да. Это талисман на счастье. Между прочим, сделан из лапки кролика.

Маша передернула плечами:

– Какая гадость.

– Ты ничего не понимаешь. Нынче такие «фенечки» снова входят в моду.

Маша взяла свой бокал и задумчиво посмотрела на «фенечку». Что-то такое мелькнуло у нее в подсознании – что-то, связанное с ограблением квартиры сенатора Антипина. Маша попыталась ухватиться за ускользающую мысль, но тут в кармане халата у Лидки запела Елена Ваенга.

Снова стою одна!
Снова курю, мама, снова!
А вокруг – тишина,
Взятая за основу!..

Лидка выхватила телефон из кармана и глянула на дисплей.

– О, – усмехнулась она, – мой благоверный звонит. Наверное, проснулся, а меня нет. Испугался бедненький.

Она прижала трубку к уху, сдвинув бигуди.

– Ну? Что стряслось? Так... Так... Слушай, ну ты чего как маленький, а?.. Да нет, мне не тяжело, просто... Ладно, ладно, не ори, сейчас приду.

Лидка яростно сунула телефон в карман халата.

– Ванька, мой средний, пустил лужу в кровать, – сообщила она. – А мой благоверный мечется по детской и не знает, что делать. Придется идти и утешать обоих. Ты уж извини, подруга.

– Да ничего, – сказала Маша.

Выпроводив соседку, Любимова вернулась в свою комнату, закурила и уселась с ногами на диван, положив рядом пепельницу.

Что же такого было в словах Лидки? За что зацепилась мысль? Что за идея пришла в голову, но тут же ускользнула?

Вспоминай, Маша, вспоминай!

Безусловно, все это было как-то связано с ограблением квартиры Антипина. Попробуем разобраться.

Итак, у нас есть одна-единственная улика – клочок волос, которые домработница Семенова предположительно вырвала из головы грабителя. Волосы оказались конскими. Тупик? Или новая загадка, которую предстоит разгадать?

Каким образом конские волосы могли попасть в руку убитой домработницы? Раньше конским волосом набивали кресла и диваны. Но мягкая мебель в доме сенатора Антипина была сплошь новой.

Тогда в чем тут дело?

Взгляд Маши упал на зеркало, висевшее на стене. Она посмотрела на свое отражение. Карие глаза под светлой челкой, под глазами – тени.

«Любимова, ты стопроцентная модель Краха-старшего», – сказал как-то Глеб.

Да уж, модель... Только модельный ряд этот давно снят с производства.

Маша загасила сигарету в тяжелой хрустальной пепельнице, обхватила колени руками и некоторое время сидела неподвижно, задумчиво сдвинув брови. Потом вздрогнула и посмотрела в сторону гостиной. Телевизор молчал.

Чем там занимается Митька?

Маша поднялась с кресла и быстро прошла в гостиную. Сын спал на полу, положив голову на подушку, которую стащил с дивана.

И когда это фильм успел закончиться?

Несколько секунд Маша стояла в нерешительности, глядя на спящего сына. Разбудить его она не решилась. В конце концов, ковер мягкий и теплый, чистая шерсть. А вот укрыть его нужно.

Она взяла из шкафа теплый плед и тщательно укрыла Митьку. Потом направилась в ванную. Там она разделась и нырнула в душевую кабину.

Клок конских волос у жертвы в руке... Что бы это могло значить?

Что-то такое вертелось на самой кромке сознания, какая-то догадка, но ухватить и зафиксировать ее у Маши никак не получалось.

Она вышла из душа, завернувшись в халат с капюшоном. Прошла к себе в комнату и собралась закурить. И тут ее осенило. Отгадка пришла сама собой, словно по наитию. Что-то всколыхнулось в памяти, какие-то строки из давным-давно прочитанной книги. Маша вскочила с дивана, подошла к компьютеру, включила его, уселась в кресло, дождалась, пока экран осветится радужным сиянием, а затем быстро вошла в Интернет.

Минуту спустя Маша откинулась на спинку кресла, взяла со стола свою исцарапанную «Нокиа» и набрала номер Стаса Данилова.

– Слушаю тебя, Марусь! – почти сразу же отозвался он.

– Стасис, личного повара сенатора Антипина зовут Шандор Кальман, так?

– Да.

– Он венгр?

– Точно, – кивнул Данилов. – Ты уже спрашивала Антипина об этом. В кабинете у Стасика.

– Но Шандор – это не только венгерское имя. Оно распространено и среди европейских цыган. Шандор, Сандор – варианты могут быть разные.

– Ну, допустим. И что с того?

– В руке у погибшей домработницы был клочок конских волос, так?

– Так.

– Цыгане обожают талисманы и амулеты. С этим ты не будешь спорить?

– Не буду.

– Молодец. А знаешь, какой амулет у цыган приносит удачу?

– Какой?

– Браслет или кольцо, сплетенное из конских волос! Такой браслет и был на запястье у грабителя. Во время борьбы с ним домработница Семенова сорвала браслет, но грабитель этого не заметил.

– Погоди, погоди... Ты намекаешь на то, что грабитель...

– Шандор Кальман. По профессии – повар, по происхождению – венгерский цыган. Маша взяла из вазочки маслинку и бросила в рот.

Стас некоторое время молчал, обдумывая все, сказанное Машей, потом произнес:

– Любимова, ты сама себя не боишься?

– Нет. Позвони Старику. Я бы позвонила сама, но... В общем, мне с ним не очень приятно сейчас говорить.

– Из-за того разговора на оперативке?

– Угу. Скажи Старику, чтобы Шандора Кальмана хорошенько обыскали. Помнишь, среди пропавших украшений был кулон в виде птичьего пера, отлитый из красного золота? Там еще посередине рубин.

– Э-э... Честно говоря, я не запомнил.

– А я запомнила. Цыгане верят в то, что птичьи перья приносят удачу. Это раз. Цыгане обожают золото. Это два. Цыгане верят в то, что рубины оберегают от злых духов. Это три. Думаю, Кальман таскает этот кулон с собой – в качестве талисмана, вместо потерянного браслета из конских волос.

– Понял! Повисишь на телефоне?

– Запросто.

Маша положила телефон на стол и включила громкую связь. Затем налила себе вина, отпила глоток и бросила в рот еще одну оливку.

– Марусь, ты здесь? – «ожил» динамик телефона.

– Да, Тасик, я тебя слушаю.

– Старик выслал бригаду на квартиру к повару.

– Хорошо. Держи меня в курсе, ладно?

– Ладно.

Маша отключила связь. Задумчиво посмотрела на телефон. Хорошо бы сейчас позвонить Глебу, но он, скорей всего, уже лег спать.

Ладно, не беда, можно поговорить и завтра. А сейчас... Маша улыбнулась от предчувствия скорого удовольствия и зевнула.

Сейчас пора забраться в постель, выключить свет и наконец-то выспаться.

Глава 4

1

24 сентября, 16 часов, Егорьевское шоссе

Глеб выжимал из своей «Мазды» все, на что она была способна, то и дело поглядывая в зеркальце заднего обзора. Однако преследователь нагонял его. Небо было затянуто свинцовыми тучами; лес, пронсящий мимо автомобиля, был черным, мокрым и неприглядным.

Глеб удивился тому, насколько спокоен. Взгляд его был сосредоточен на дороге, сердце билось размеренно и четко, ладони не вспотели. Впрочем, он хорошо себя знал. Знал, что в опасные моменты обычно не теряется, а становится собранным как никогда.

Вот и сейчас мысль его работала четко и холодно. Шанс уйти от преследователя у него есть. Километрах в десяти отсюда пост ДПС. Главное сейчас – не потерять управление, а когда он достигнет автостреды, проблема решится сама собой.

Машина преследователя замигала фарами.

«Психическая атака», – усмехнулся Корсак, глянув в зеркальце.

Прошла еще минута. Расстояние между «Маздой» Глеба и машиной его преследователя неуклонно сокращалось. Далеко впереди показался белый автомобиль.

До поста ДПС оставалось всего ничего. Белая машина, несущаяся навстречу, стремительно приближалась. Сейчас они поравняются. Сейчас...

«Главное, не пропустить поворот, – подумал Глеб.

Вдруг встречная машина возникла прямо у него перед глазами. У Глеба была доля секунды, и в эту долю секунды он успел подумать: «Как это ее вынесло на «встречку»?

Он крутанул руль вправо, пытаясь избежать лобового столкновения, услышал оглушительный хлопок, перед глазами его блеснул яркий свет, и в тот же миг он потерял сознание.

* * *

Вспышка света... Тьма... Снова вспышка света... И опять все погрузилось во тьму... А потом взрыв боли... Затем – снова оцепенение и одеревенение...

– Подготовьте третью операцию!

Кто это говорит?.. В его машине кто-то есть?.. В какой машине? Разве он сейчас в машине?

Серая река дороги впереди. Мимо проносятся деревья... А позади... Там мигают фары... Да, сзади мигают фары. Вспышка. Еще. И еще. Господи, как это мучительно...

Все затягивается белым светом, как туманом.

– Что с ним? – произносит незнакомый женский голос.

– Лобовое столкновение! – отвечает ему другой.

– Кошмар! Не знала, что после такого выживают.

– А он и не выжил. Это агония.

– Агония?

А-ГО-НИ-Я

Слово это отпечаталось у Глеба в сознании. Знакомое слово. Оно тянет за собой другое... Какое?.. Смерть!

– Мужчина, на вид около тридцати пяти лет! Автомобильная авария! Интубирован на месте!

Каталка несется по коридору. Белый свет заполняет собою все.

– Давление нестабильное! Плевра дренирована слева!

– В третью его! Быстрее!

– Зрачки не реагируют на свет!

Не реагируют?.. Глупости. Он видит свет. Фары мигают позади. Мигают, мигают, мигают. Сколько же это уже продолжается? И когда началось?

Поселок Хамовичи! Да-да, это началось там!

«Там, впереди, будет река Малая Кижма, а через нее – мост. Подумай, прежде чем пере-
езжать через него. Назад пути уже не будет».

А это чье лицо? Круглое, морщинистое, добродушное, окаймленное седыми волосами.

– Я местный врач. Все зовут меня просто – доктор Тихонов. А еще я глава поселкового
совета.

И улыбка... Славная улыбка, добрая улыбка. Этот человек неспособен совершить зло.
Или – способен?

– В нашем поселке творятся странные вещи, Глеб Олегович. Очень странные.

ДА-ДА, СТРАННЫЕ ВЕЩИ!

И снова тот же добродушный голос:

– Познакомьтесь, это Илья Львович Рутберг. Он хозяин нашего поселка. Единственный
и полновластный. Говорят, он уже миллиардер. Впрочем, я в это не верю. Почему? Не знаю
почему. Миллиардеры выглядят иначе. Ха-ха! Что-что? Они такие же, как мы, только богаче?
Метко замечено! Ха-ха! Но я вам не враг, нет, я вам не враг.

Невеста, одетая во все белое, стоит на краю утеса. Фата ее развеивается на ветру. Боже,
как это красиво. Если мы когда-нибудь поженимся с Машей, я буду настаивать на свадьбе.

И снова мигают фары.

– Сломаны четыре ребра! Сильное сотрясение мозга!

Но что это?.. Что за странная машина его преследует? Черная, очень черная, сама ночь!
И что это с ней происходит? Машина пульсирует, оживает и вдруг – ба-бах! Она взрывается!
Превращается в черное облако, облако клубится... Нет, это не облако, это огромная стая птиц!
Черные вороны! Они гонятся за ним, настигают его «Мазду», бьются в стекла клювами и кры-
льями...

– Легкие поджаты воздухом в плевре! Дренируйте плевру справа! Левый дренаж заме-
нить!

Телефон звонит? Нет, не звонит. Здесь нет связи.

Нет связи...

– Две порции крови! Гемоглобин пять!

«Пи-пи-пи».

Что же это за звук? Ах, это не звук! Это мигают фары. Свет. Тьма. Свет. Тьма. Пи...
Пи... Пи...

– Стабилизируем дыхательную функцию!

И он погружается во мрак. Что здесь, во мраке? Смерть? Здравствуй, смерть, вот и я!

2

День выдался отличный, хоть и пасмурный. С утра, часов в девять, Машу разбудил звонок от Стаса Данилова.

– Значится, так. Докладываю. Цыгана-повара мы прищучили. Как ты и говорила, украденный кулон с рубином у него оказался при себе. Парень таскал его на шее, как какая-нибудь барышня, представляешь!

– Значит, победа? – сонно спросила Маша.

– Еще какая! Цыган не стал долго отпираться и во всем сознался. Он и домработница были любовниками. Шандор Кальман не раз подбивал ее ограбить хозяев, но та не соглашалась. Тогда он пригрозил Семеновой разрывом отношений, и та, будучи натурой чувствительной, сдалась. Вместе они обчистили сейф Антипина, но в последний момент у домработницы снова разыгралась совесть, и она заявила, что не может во всем этом участвовать и что деньги и драгоценности нужно положить на место. Повар был с таким раскладом не согласен, но Семенова вцепилась в него мертвой хваткой, уговаривая остановиться. Завязалась драка, цыган вспылil, схватил подсвечник и ударил свою любовницу по голове. После чего скрылся с места преступления с награбленными цацками. На допросе Кальман разрыдался, как девочка, заявил, что раскаивается в содеянном и просил учесть его «чистосердечное признание». Все, конец истории. Дело передано в следственный комитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.